

СОХРАНИМ ПРИРОДУ
РОССИИ ВМЕСТЕ

 ВНИИОЗ

2018

Ю.М. Дунишенко
Гималайский медведь в Приамурье:
оценка состояния популяции в 2010–2017 гг.

Всемирный фонд дикой природы (WWF)
ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт
охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б.М. Жидкова,
Дальневосточный филиал
Министерство природных ресурсов Хабаровского края

Ю.М. Дунишенко

**Гималайский медведь в Приамурье:
оценка состояния популяции в 2010–2017 гг.**

Владивосток
2018

УДК 599.742.26
ББК 28.693.369.47
Д834

Дунишенко, Ю.М.

Д834 Гималайский медведь в Приамурье: оценка состояния популяции в 2010–2017 гг. / Ю.М. Дунишенко. – Владивосток: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2018. – 80 с.

ISBN 978-5-98137-048-9

Представлены результаты анализа ретроспективной информации и сборов при полевых работах по учету численности гималайского медведя зимой 2016/17 гг., проведенного с целью выявления состояния популяции. Рассмотрены вопросы динамики колебаний. При этом в качестве индикаторов, определяющих цикличность изменений, использованы данные о размерах выводков и о половом соотношении медвежат на разных фазах. Приведены данные по оценке урожая основных нажировочных кормов, определяющих механизм естественных колебаний. Сделан вывод, что к 2015–2016 гг. численность достигла очередного пика, превысившего современную видовую емкость угодий, что привело к значительному отходу. Предполагается, что популяция находится в очередной фазе снижения численности, обуславливающей шадящее использование ее ресурсов. Даны соответствующие рекомендации.

УДК 599.742.26
ББК 28.693.369.47

ISBN 978-5-98137-048-9

© Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2018

© «Апельсин», 2018
Дизайн, верстка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	4
ВВЕДЕНИЕ	6
1. Распространение гималайского медведя в Приамурье	9
1.1. Информация о заселенной медведем площади свойственных угодий	14
2. Плотность населения гималайского медведя в различных местах обитания	20
3. Численность гималайского медведя на территории Приамурья	23
3.1. Результаты учета гималайского медведя в сезон 2016/2017 гг.	32
4. Структура и репродуктивная способность популяции	36
5. Сведения об официальной и фактической добыче гималайского медведя	45
6. Анализ сведений о берлогах гималайского медведя	48
7. Оценка состояния популяции гималайского медведя по итогам учета и сбора информации	51
8. Сведения об охране гималайского медведя	58
9. Выводы и рекомендации по охране и использованию популяции гималайского медведя	63
9.1. Выводы для обсуждения	63
9.2. Предложения	67
ЛИТЕРАТУРА	68
Приложение 1. Данные официального мониторинга численности гималайского медведя на территории Хабаровского края в 2017 г.	73
Приложение 2. Принципы определения арены экстраполяции данных учета медведей (для обсуждения)	74
Приложение 3. Схема распространения гималайского медведя в Хабаровском крае	75
Приложение 4. Фотографии	76

ОТ АВТОРА

Обстановка в лесу на Дальнем Востоке РФ по мере вырубания массивов кормообразующих пород деревьев из года в год осложняется. Фактически ушли в прошлое огромные массивы кедровников, а в последнюю четверть века пришел и черед дубняков. Естественно, что оскудение «меню» лесной столовой не могло не сказаться на состоянии популяций диких животных. Острее стали восприниматься неурожайные годы, в которые лесные обитатели вынуждены активно перемещаться в поисках кормов. Да кому это было интересно? Ну, суетятся звери, да и пусть себе бегают! Так бы все и продолжалось, если бы счет людям не стали предъявлять медведи. Своими выходами из лесу и «выходками» они все больше напоминали о своем существовании.

Проблема как-то решалась, но в основном от нее отмахивались – на Дальнем Востоке живем. Пока в лесу не случился очередной голодный год, и вдруг оказалось, что медведей много! Они стали появляться не только в окрестностях населенных пунктов, но и на их улицах, на дачных участках, пасаках, огородах и даже на кладбищах. Царапаться стали, отстаивая свое право на жизнь! И вполне естественно, что люди стали защищаться, резонно полагая, что, если ситуация смертельно опасна, о законности применения оружия думать некогда. Как охарактеризовал свои действия знакомый таежник: лучше на какое-то время поселиться в тюрьме, чем навсегда – в черной рамке...

«Изъятие в целях регулирования численности», как ныне именуется «высшая мера наказания» животных, наносящих вред или представляющих опасность для населения, стало применяться все чаще. Вот тут по принципу «наших бьют» сказали свое веское слово и зоозащитники, вернее, наиболее радикально настроенная их часть, нередко защищающая «права» животных во вред не только людям, но и самим животным. Говоря о «недоверии» к данным о численности, ежегодно приводимым в таблицах Государственного мониторинга, без каких либо альтернативных аргументированных материалов объявили, что популяция стремительно сокращается, а потому гималайский медведь нуждается в срочном занесении в Красную книгу, о чем и была составлена Петиция, под которой собрано нужное число подписей.

Естественно, что охотничьи организации Дальнего Востока такое мнение не поддержали, и, если судить по размерам официального отстрела, вовсе не потому, что этот вид является объектом охоты, – те десятки зверей, что добывают охотники, заметной роли в экономике хозяйств не играют. И не в принципиальном отличии подхода к использованию и охране диких животных дело,

а в том, что такая инициатива не решает проблемы сохранения популяции. Так считают охотоведы, ссылаясь на опыт обращения с «краснокнижными» животными, которые по сути вот уже четверть века практически бесхозны. Кроме того, свою позицию о несвоевременности внесения гималайского медведя в Красную книгу подавляющее большинство специалистов охотничьего хозяйства подкрепляют данными учета, из которых видно, что численность животного не снижается, а растет. Объективно разобраться в такой непростой ситуации, выявить тенденцию происходящих явлений и было предложено автору этой работы.

Следует заметить, что решение поставленной задачи не было легким. Дело еще и в том, что численность животных не стоит на месте – она то растет, то падает в зависимости от изменения условий обитания. Для коротко живущих существ нарисовать картинку просто – их циклы колебаний непродолжительны. А медведи живут долго, и разобраться в направлении движения их численности за один учет невозможно – нужен ряд данных, полученных на принципах мониторинга. Поэтому кроме анализа сведений о численности в поисках истины рассматривались все другие аспекты жизни популяции, прямо или косвенно связанные с ее колебаниями. Ответственно заявляю, что при этом честно пытался выявить именно объективную картину и вовсе не являюсь противником занесения животных в этот «реанимационный» для вида список. Но только тогда, когда «реанимация» действительно поможет «выздоровлению» либо продлит радость пребывания вида в нашем бренном мире. И категорически против, если основания либо сомнительны, либо обосновываются «политической» выгодой.

А с гималайским медведем все не так просто. Кто бы спорил с утверждением, что численность его по мере трансформации среды обитания в историческом аспекте сокращается? Но она сокращается у множества видов, благополучие которых зависит от состояния кедрово-широколиственных лесов Дальнего Востока. А вот от какой величины столетней давности – кто знает? И не исключено, что какой-то вид со временем исчезнет, а кто-то пройдет через «бутылочное горлышко», которое будут представлять наши леса, когда их вид изменится кардинально и повсеместно. И доживет до поры восстановления, пусть не в былой красе, но около того – кедр и дубы на вырубках и пожарищах подрастают!

Тонкое это дело – уловить момент, когда вид действительно потребует спасательных мероприятий. Занесение его в Красную книгу раньше, чем появится целесообразность этого, не принесет ничего, кроме экономического урона. И это даже опаснее, чем если оставить все так, как есть. Что хорошего, когда в необходимость крайних мер народ не верит, а сам объект охраны фактически ничей? Государство не имеет, и в обозримом будущем не будет иметь структуру, которая реально занималась бы судьбой «краснокнижных» видов. К сожалению, их множество, и только на постоянное отслеживание состояния популяций нужны колоссальные средства, не говоря о конкретных «спасательных» работах!

Поэтому изменение статуса вида – ответственный шаг. И чтобы его сделать, эмоций недостаточно. Нужны знания. Их накоплению и был посвящен проект, исполненный по инициативе координатора экологических программ WWF П.В. Фоменко при активной поддержке Министерства природных ресурсов Хабаровского края. Искренняя благодарность руководителям этих организаций, а также коллегам А.Е. Самарину, О.Ю. Егорушкину, В.Ф. Эрбису, В.Ф. Митрошину, В.В. Лобанову, В.В. Атрошенко и многим другим неравнодушным людям, охотно поделившимся накопленной за многие годы информацией.

ВВЕДЕНИЕ

По систематике, гималайский медведь (*Ursus tibetanus*) относится к роду черных медведей (*Ursus Selenarctos*) и его ареал занимает большую часть южной Азии, от Белуджистана и Афганистана до южной части российского Дальнего Востока (Строганов, 1962; Бобринский и др., 1965; и др.). Вид насчитывает до 8 подвидов, обитающих в 17 странах, включая Японию, а также п-ов Корея, о-ва Тайвань и Хайнань. На территории РФ обитает только один подвид – уссурийский (*Ursus Selenarctos tibetanus ussurikus*), обитающий в Приморье и Приамурье. За пределами России этот зверь населяет северо-восточные провинции КНР и п-ов Корея.

Считается, что численность всех подвидов гималайского медведя сокращается. Главная причина негативных тенденций – уменьшение площади, пригодной для обитания по причине освоения ее человеком. Сказывается также браконьерство, стимулированное спросом на медвежью желчь, используемую в восточной медицине, и на лапы, пользующиеся большой популярностью у фанатов кулинарии. Поэтому большинство подвидов занесено в списки охраняемых животных стран обитания, в том числе белуджистанский черный медведь – в Красный список МСОП. Отстрел разрешен в Японии, где медведя довольно много и зверь наносит ущерб, сдирая кору с ценных пород деревьев.

Обитающий в России уссурийский подвид черного медведя по состоянию на 2017 г. является лицензируемым объектом охоты. В связи с тем, что Россия является участницей конвенции СИТЭС, вывоз его дериватов за пределы РФ возможен только по специальным разрешениям, согласованным с представительством этой организации.

Суждения о размерах и динамике популяции противоречивы. Для объективной оценки состояния нужна информация, собранная в предыдущие годы, и чем больше ряд старых данных, тем виднее, в какую сторону и какими темпами происходят изменения. В нашем случае сложность ретроспективного анализа заключалась в скромности сохранившихся сведений. Дело в том, что в Хабаровском крае охота на гималайского медведя с 1977 г. была запрещена, а с 1983 г. он и вовсе был внесен в Красную книгу. По этим причинам из зоны ответственности охотничьего хозяйства Дальнего Востока зверь на длительное время выпал. Судьбой его популяции интересовались только ученые, да и то в порядке личной инициативы. К 1999 г., когда гималайский медведь вновь был включен в состав охотничьей фауны, существовавшая стройная и хорошо организованная система охотничьего хозяйства была «реорганизована». В результате на территории бывших промхозов возникло множество мелких образований, как правило, не имеющих средств на содержание специалистов, а, следовательно – и для квалифицированных учетных работ.

По многим причинам не улучшилось положение и в новом веке. Более того – с утверждением методики зимнего маршрутного учета (ЗМУ) гималайский медведь, как и прочие зимнеспящие виды, из обязательных учетных работ по единой методике выпал вообще. В связи с этим и сведения о его численности, попадавшие в статистику в указанный период, нередко фрагментарны. Поэтому для выявления происходящих в популяции изменений использовано все, что удалось обнаружить в архивах, включая сведения, имеющиеся в проектах внутрихозяйственного охотустройства промысловых хозяйств 1960–1970-х годов, а также результаты их обобщений, выполненных разными авторами (Кучеренко, 1973; Кучеренко, Рычкова, 1977; Дунишенко, 1977). Кроме того, использованы результаты анализа ретроспективной информации, собранной коллективом ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства в 2005 г. по гранту общественной организации «Феникс». В этой работе были подвергнуты анализу имеющиеся в литературе и собранные авторами учета данные по структуре популяции гималайского медведя с 2000 по 2005 г. Итогом исполненного проекта стал отчет «Оценка состояния популяции гималайского (белогрудого) медведя в Приморском и Хабаровском краях» (Хабаровск, 2005), опубликованный ограниченным тиражом. За неимением других аналогичных сводок полученные при этом обобщении результаты приведены нами в качестве отправной точки при сравнении изменений, произошедших с тех пор.

Наши материалы, использованные для сравнения с ретроспективной информацией, собраны разными методами. Для выявления численности гималайского медведя проводился полевой учет на модельных площадках после выхода животных из берлог. Площадки общей площадью 43,2 тыс. га были расположе-

ны в верховьях р. Матай, в среднем течении р. Обор, в бассейне р. Медза, в хозяйстве «Амтур», в бассейне р. Катэн. При этом в качестве организаторов и исполнителей были привлечены наиболее опытные специалисты – А.Е. Самарин, В.В. Лобанов, А.С. Бата-лов, В. П. Митрошин, В.Ф. Эрбис, В. В. Атрошенко и другие.

Дополнительно к нашему учету на площадках аналогичная работа проделана совместно со специалистами Комитета охотничьего хозяйства МПР Хабаровского края и руководителями охотничьих хозяйств. Для получения сопоставимых данных проводился сбор информации при помощи анкетирования и опроса охотников, имевших постоянно закрепленные участки. Картирование данных о численности на них с целью выявления плотности населения медведей произведено на площади 970 тыс. га, сведения о структуре популяции, воспроизводству, добыче, типах берлог и пр. получены из 115 анкет. Кроме того, было проложено 99 маршрутов общей протяженностью 1330 км, просмотрено более 3 тыс. снимков фотоловушек, установленных в хозяйствах «Клуб охотников «Ударный», в среднем течении р. Медза, в национальном парке «Анхойский» и хозяйстве «Амтур».

Следует заметить, что поздняя осень и отсутствие урожая нажировочных кормов обусловили залегание медведей в берлоги до выпадения снегов, поэтому осенний маршрутный учет в большей части угодий оказался бесполезен. Его результаты использованы в расчетах лишь частично, так как по снегу перемещались практически единичные животные, не сумевшие накопить минимальные жировые отложения для зимовки.

В связи с тем, что границы распространения гималайского медведя ранее были проведены на некачественном картографическом материале и без использования ГИС-программ, при их ревизии также произведено множество уточнений. За основу при этом были взяты горизонтали заложения рельефа на топографической карте М:100 000, выдела «Карты лесов» и типов мест обитания животных, а также информация, собранная у охотников и специалистов охотничьего хозяйства. Уточнена и площадь населенных медведем угодий.

Задача провести учет на всей площади ареала не ставилась – это более объемная и недешевая работа. Тем не менее, собранная информация позволила получить представление не только о состоянии популяции гималайского медведя, но и о ее размерах. Впрочем, при том, что результаты учета всегда имеют погрешности, более важным для выявления происходящих изменений был анализ показателей ее структуры, прямо или косвенно связанных с численностью. Особое внимание уделено выявлению размеров выводков и полового соотношения молодняка в сравнении с урожаями основных видов нажировочных кормов. Ретроспективные сведения по оценке плодоношения растений были получены из охотоведческих отчетов по учету животных и дополнены информацией, ежегодно собираемой сотрудниками ДВ филиала ВНИИОЗ в рамках соответствующей тематики исследований. Используются и личные сборы автора при полевых работах в разных частях Приамурья.

1 | Распространение гималайского медведя в Приамурье

Границы ареала гималайского медведя наиболее подробно описаны на основе обобщения работ охотустроителей (Кучеренко 1974; Оценка... , 2005; Дунишенко и др., 2014). Дублируется информация и в книге «Медведи Дальнего Востока России: краткий справочник для сотрудников таможенных органов» (Медведи... , 2005), но в этой работе в целом правильное изложение сведений о распространении ставится под сомнение фразой о том, что ареал гималайского медведя занимает большую часть Хабаровского края.

Из перечисленных источников следует, что популяция медведей на территории Приамурья не является маргинальной – здесь выклинивается в северном направлении область распространения основной ее части, располагающейся на территории Приморья. Более того, в Бикинском районе, где зверь населяет хребет Стрельникова и его отроги, существует экологический коридор, через который животные могут сообщаться и с животными хр. Ваньдашань (КНР). Нет преград для коммуникаций с медведями, обитающими на территории Приморского края и по всей южной границе Вяземского и им. Лазо муниципальных районов, в которых зверь населяет все пригодные для обитания угодья. Но здесь из стадий круглогодичного обитания выпадает зона горной елово-пихтовой тайги, где гималайский медведь встречается преимущественно заходами в бесснежный период года. Мелколиственные леса и сельскохозяйственные угодья, расположенные в западной и северо-западной частях этих районов, также относятся к местам его временного пребывания.

Связь животных, обитающих в бассейне Анюя, с основной частью ареала осуществляется через довольно узкий коридор, расположенный в верховьях рек Левая Юшки, Амхалгакан и более мелких рек и ключей, расположенных севернее. По водоразделу р. Хор здесь произрастает елово-пихтовая тайга, не пригодная для обитания вида, а с запада круглогодичное обитание гималайского медведя ограничивается массивами мелколиственных и лиственничных лесов, марями и болотами.

В Нанайском районе гималайский медведь также населяет широколиственные леса и леса с кедром. В теплый период года граница его распространения расширяется за счет обширной территории в среднем течении рек Мухен и Немпту, где этот зверь довольно обычен в многочисленных дубово-лиственничных релках. В годы урожая желудя часть медведей остается здесь и на зимовку.

Не являются изолированным очагом распространения вида и животные, обитающие в бассейнах рек Чермал, Хосо и Юли, расположенных в угодьях Комсомольского района – внутривидовая связь осуществляется через экологический коридор, проходящий по долине р. Манома (Нанайский район). А далее на север известны

заходы до Уктура, Шелехово, однако о случаях зимовки гималайского медведя в этих местах информации нет. Тем не менее, считается, что здесь ареал переходит на левый берег Амура, где охватывает низовья Горина и Хурбы (Кучеренко, 1974).

Нами подтверждающей такой факт информации не обнаружено, и, скорее всего, если крайне редкие переходы животных через Амур в теплый период года случались, говорить о единстве левобережного очага оснований недостаточно. Впрочем, достоверных данных о постоянном обитании вида в этих местах в последние годы нет. Вероятней всего, не существовало этого очага и в обозримом прошлом, а сведения в литературе основаны лишь на случаях летних заходов, о которых, действительно, известно. Поэтому считаем, что утверждения о фрагментации ареала в этой его части доказательных данных не имеют (Оценка... , 2005; Колчин и др., 2016).

Аналогичное положение и в Солнечном районе, в котором в материалах охотстройства (Патюков, 1997, рук. отчет) упоминается о существовании незначительного очага из десятка особей на юго-востоке района, в бассейнах Хурмули и Горина. Но вероятней всего, такое заключение также основано на сведениях о редких летних заходах зверя. О случаях круглогодичного обитания и наблюдений самок с приплодом в этих местах нам так же неизвестно.

На восточных макросклонах Сихотэ-Алиня вдоль прибрежной полосы выклинивается к северу самаргинская часть популяции. Поэтому круглогодичные встречи медведя возможны только до бассейна Нельмы включительно, так как на территории Приморского края устойчивая граница распространения проходит между поселками Агзу и Унты. По пойме Самарги гималайский медведь распространен гораздо шире: зимующие особи встречаются до устья р. Сабу и нижнего течения р. Сохатки (Ковалев и др., 2003; Оценка... , 2005). Известны также единичные случаи добычи зимующих медведей до р. Опасной, однако в верховьях р. Самарги переходы животных в Хабаровский край через хребет маловероятны. Поэтому утверждения о том, что существует устойчивая связь зверей, обитающих на территории Советско-Гаванского и Ванинского районов, с основным ареалом, расположенным на территории Приморского края, достаточных обоснований не имеют. Информация, собранная нами на территории этих районов, выглядит следующим образом.

В Советско-Гаванском районе, по р. Быстрая, впервые за 40 лет встретил гималайского медведя промысловик П.В. Шабанов. Охотником А.М. Ивлюхиным в октябре 2016 г. также впервые за 40 лет гималайский медведь (самка с медвежонком) был встречен по р. Иха. При этом промысловые участки опрошенных охотников осваиваются ими по 40 лет и практически полностью вмещают в себя места возможного обитания медведей этого вида. Кроме того, в начале декабря 2016 г. охотником В.Б. Войдиловым в бассейне р. Дякомы (приток Копши)

был добыт взрослый самец. Это первый за 10 лет случай наблюдения гималайского медведя. По Коппи же в сентябре 2013 г. охотоведом А.В. Полоумовым была добыта взрослая самка, а в ноябре 2014 г. охотоведом В.Р. Колланг – взрослый самец. Оба охотоведа, хорошо владеющие обстановкой в районе, утверждают, что до 2013 г. информации о встречах гималайского медведя в районе не поступало.

К изложенному следует добавить сведения директора заповедника «Ботчинский» С.В. Костомарова, который сообщил, что в нижнем течении Ботчи и в среднем течении Коппи встречаются «гнезда» на черемухах, характерные для гималайского медведя.

Приведенная информация не согласуется с мнениями, изложенными в литературных источниках, в которых утверждается, что северней бассейна Нельмы гималайский медведь заходит только летом (Кучеренко, 1974; Кучеренко, Рычкова, 1977; Оценка... , 2005; Дунишенко и др., 2014). Вероятней всего, так и было 10–15 лет назад. В то же время в материалах внутривидового охотустройства Совгаванского госпромхоза (1965) приводилась информация о том, что граница распространения гималайского медведя проходила по р. Коппи (Кучеренко, 1973). И если это действительно так, то перечисленные наблюдения характеризуют тенденцию вида к восстановлению ареала. Полагаясь же на встречу самки с приплодом, можно предполагать, что в южной части Советско-Гаванского района действительно вновь образовался крайне малочисленный очаг, причем появившийся в последнее десятилетие за счет расселения животных, предположительно, из бассейна Самарги. Но судить о его самодостаточности и перспективах расширения преждевременно. Скорее всего, по мере ухудшения состояния популяции в центре ареала этот очаг вновь исчезнет, так как условия для обитания вида в этом районе крайне пессимальны. Таким образом, и с юга (Приморье, бассейн Самарги), и с севера заходы животного в теплый период года не исключены, но условий для благополучного их обитания здесь нет и никогда не было. Поэтому, на наш взгляд, правильней было бы говорить лишь о пульсирующей части ареала в этих местах – здесь присутствие гималайского медведя полностью зависит от состояния популяции в целом.

Случаются встречи гималайского медведя и в Ванинском районе. Так, охотустроители Новосибирской проектно-изыскательской экспедиции, детально обследовавшие бассейн р. Тумнин на предмет организации республиканского заказника (1987), указывали, что в бассейне этой реки зверь в те годы отмечался довольно часто, причем чаще в верховьях. Наиболее обычны были заходы в бассейны рек Абуа, Бекая, Аукамха, Хонолика. При этом предполагалось, что заходят животные не с юга, а из угодий Нанайского либо Комсомольского районов и только в теплый период года, так как случаев зимовки выявлено не было.

Известны встречи и в последнее десятилетие. Так, в бассейне р. Хича в 2007 г. визуально наблюдал гималайского медведя охотник В.А. Сизухин, а летом 2009 г. охотовед Н.Н. Валвенкин видел самку с двумя медвежатами. Он же считает, что

в угодьях района этот вид бывает редкими заходами из бассейнов Хора и Анюя. До этого года никогда ни медведей этого вида, ни следов их жизнедеятельности опрошенные охотники и специалисты не встречали, поэтому существование устойчивого очага в Ванинском районе сомнительно.

Присутствие гималайского медведя легко выявляется не только по следам на снегу. Не менее надежные признаки – «гнезда» на черемухах Маака, заломы сучьев на дубах и кедрах, царапины от когтей животных, обследующих полые «остолопы» и фаутные деревья, и др., которые сохраняются многие годы. И если судить по крайне редкому их наблюдению в приграничных районах провинций Цзилинь и Хэйлунцзян (КНР), которые нам довелось обследовать 19 лет назад (Ян Шихэ и др., 1998; Сунь Баоган и др., 1999), напрашивается вывод о том, что «местных» медведей здесь крайне мало и в настоящее время границы устойчивого ареала находятся в пределах России. Переходы же с территории РФ в Китай до сих пор нередки. Но на момент наших полевых работ в угодьях КНР (1998–1999 гг.) все тропы диких животных были блокированы петлями. Поэтому для предположений о существовании многочисленной популяции в смежных с Россией районах оснований нет. Собственно, в приграничных районах КНР приемлемые для обитания животного места были обнаружены нами только на незначительной части хребта Ваньдашань. Поэтому можно согласиться с тем, что макросклоны Сихотэ-Алиня – это действительно область распространения обширной популяции, составлявшей единое целое с животными, обитающими на территории Китая, но в далеком прошлом.

Постоянно зверь обитает на территориях заповедника «Большехехцирский» и Хехцирского заказника. Очаг много десятилетий также условно изолирован. Условно потому, что переходы животных в теплый период года из основной части ареала по дубнякам в бассейнах рек Кия, Сита, Бешеная вполне возможны, но в нужное время и в нужном месте половых партнеров может и не оказаться.

На левом берегу Амура располагается второй очаг гималайского медведя, занимающий бассейны Улики, Почегуни, р. Кур до устья р. Ярап, по среднего-рю бассейна Урми. Кроме того, места постоянного обитания зверя известны на Помпеевском хребте и в бассейне р. Большой Таймень (Еврейская АО). В целом область распространения здесь обширна, зверь встречается на площади около 1 млн га, но на значительной ее части – спорадически.

Очаг гималайского медведя на левом берегу Амура следует считать условно изолированным, так как в бесснежный период года переходы животных через Большехехцирский заповедник и далее через Амур не исключены. Теоретически возможны переходы и через Уссури, на хр. Вандашань. и далее – по территории КНР, через Амур в угодья ЕАО и Хабаровского района. Самые медвежьи места, где учтена и максимальная плотность населения, – средне-верхнее

течение рек Почегуни, Улики, от которых плотность населения снижается к западу, к границе естественного ареала, и к верховьям рек, где кедр и дуб заменяются лиственничниками и елово-пихтовой тайгой, посещаемыми зверем только в бесснежные периоды года. Нет постоянных мест обитания медведя и на открытых пространствах вдоль Амура, где он может быть встречен только осенью в дубовых релках при локальном урожае желудя. В целом же граница распространения зверя на всем левобережье Амура требует детального уточнения – информация по этому виду здесь всегда была более чем скромна. По сути же это выклинивающийся в западном направлении очаг, так как далее, в Амурской области, зверь малочислен и по этой причине занесен в региональную Красную книгу. Встречается в кедрово-широколиственных и широколиственных лесах Архаринского и Бурейского районов, расположенных на южных и восточных склонах Буреинского хребта.

По данным С.П. Кучеренко (1982, рук. отчет), ранее гималайский медведь постоянно обитал в средней части бассейнов рек Архары, Урила и Мутной, а крайние случаи заходов отмечались и в бассейн р. Буреи до пос. Чеутда. Однако собранная нами информация постоянного обитания животных на этой территории не подтверждает, и, вероятней всего, приведенные данные основаны на сведениях о заходах животных в теплый период года. Случаи обнаружения зимующих медведей относятся только к бассейну р. Архары, что в принципе подтверждал и другой исследователь того времени, считавший, что в бассейне Буреи и Архары гималайский медведь крайне редок (Дарман, 1986).

Очевидно, что не стало его больше и в настоящее время, так как, по данным Ю.М. Гафарова (2013), даже в типичных местах обитания в Хинганском заповеднике «обитают 1–2 медведя». В целом же численность гималайского медведя в Амурской области оценивается специалистами в 20–25 особей, при этом зимующие животные встречаются редко (Дарман, 1986). В связи с этим можно предполагать, что местные уголья представляют собой пульсирующую часть ареала, которую в бесснежный период года посещают животные, обитающие в смежных районах ЕАО. Подавляющая часть уголдий, пригодных для обитания этого зверя в Амурской области, входит в упомянутый заповедник, Хингано-Архаринский, Андреевский и Желундинский заказники.

Практически по всему ареалу вида летом немалая часть животных спускается с гор в зону распространения порослевых дубняков, расположенных по южным склонам низкогорий и релкам на равнинах. Промышленных рубок здесь нет, так как товарной ценности эти леса не имеют. Но плодоносят, что и привлекает животных. По мере «вымывания» из состава горных лесов кормообразующих пород деревьев, обуславливающего сокращение пищевых ресурсов медведя в основных местах обитания, такие перемещения зверей принимают все более широкие масштабы.

Собранная информация позволяет сделать вывод о том, что границы распространения гималайского медведя в прошедшее десятилетие несколько увеличились за счет расширения ареала в северном направлении и выше в горы. Зверь стал обычен в пойменном комплексе рек Хора и Анюя в зоне елово-пихтовой тайги, где раньше отмечался только летними заходами, чаще появляется в Советско-Гаванском и Ванинском районах, плотнее заселил правобережные притоки Анюя и левобережные – Гура. Увеличение площади обитания подтверждается и местными охотниками и специалистами. В целом же из 47 экспертов 41 (87,2%) утверждают, что границы распространения зверя не изменились, четверо (8,5%) указывают на расширение занятой видом территории, и только двое (4,3%) говорят о ее снижении, обусловленном интенсивными рубками леса.

Отмечено снижение численности и у западных границ ареала в ЕАО, но информация об этом противоречива.

1.1 | Информация о заселенной медведем площади свойственных угодий

Судя по тому, что в теплое время года гималайский медведь нередко встречается вдалеке от основных мест обитания и в угодьях, ему не свойственных, звери перемещаются довольно широко. И это сильно осложняет определение величины площади заселенных видом угодий внутри его ареала, что выявляется при анализе охотоведческих отчетов. При отсутствии методических указаний и нормативных документов, ограничивающих фантазии в этом направлении, исполнители подходят к определению площади арены экстраполяции по-разному. Одни из них включают в площадь экстраполяции территории, оконтуренные по крайним точкам встреч медведей вне зависимости от сезона, что обуславливает включение и летних стадий, по факту являющихся территориями временного пребывания зверя. При этом значительно завышается площадь, на которую в последующем производится экстраполяция данных учета, полученных по следам на снегу в круглогодичных биотопах, что приводит к значительному завышению численности. Присутствует и другая ошибка – из года в год указывается одна и та же арена экстраполяции, тогда как площадь летних стадий в разные годы различна, и ее размеры зависят от наличия и размещения кормов.

Вторая группа специалистов для экстраполяции исчисляет площади круглогодичного обитания зверя, вне зависимости от типов мест обитания животных, составляющих замкнутый границами зимнего распространения вида контур, т. е. определяется площадь всего контура. Естественно, что внутри него всегда присутствует доля угодий, в которых круглогодичное обитание животного мало-

вероятно (обширные заkochаренные болота, свежие гари, выдела кустарников, пустыри и т.д.). Полученная таким образом величина чаще всего ближе к истине, чем в первом случае, но ошибка находится в прямой зависимости от удельного веса непригодных для обитания угодий.

Третья группа охотоведов подсчитывает общую площадь мест круглогодичного обитания медведей, а затем исключает из нее непригодные для вида уголья, и получаемая таким способом величина значительно отличается от предыдущих в меньшую сторону. Вероятно, и численность, определенная при экстраполяции на эту величину, наиболее достоверна. Хотя и в этом случае точность исчисления арены экстраполяции, а, следовательно, и размеров поголовья животных, может зависеть от времени учета и особенностей сезонного распределения медведей.

Применяется и еще один способ экстраполяции – в целом на район или иную площадь в ее административных границах, без выявления занятой видом территории. Конечный результат при этом находится в прямой зависимости от того, какую часть объекта действительно заселяет вид, а если он обычен на всей территории – то каков удельный вес не пригодных для обитания угодий.

Нередки случаи экстраполяции учетных данных и по аналогии с требованиями методики ЗМУ (лес, поле, болото), когда в расчеты включается вся облесенная территория, к которой лесники относят не только покрытую лесом. И если для бурого медведя это на ограниченных территориях допустимо, то для гималайского обуславливает включение горной елово-пихтовой тайги, лиственничников, мелколиственных лесов и пр., где зверь либо не встречается, либо бывает редкими заходами в бесснежный период года.

Следует заметить, что существует и группа специалистов охотничьих хозяйств, которые вообще ничего не считают. Они многие годы приводят без всякой корректуры величину, иной раз десятилетней и более давности, определенную охотустроительными экспедициями.

Таким образом, сведения в литературных и ведомственных источниках об одном из основных показателей, необходимых для определения численности вида, варьируют в больших пределах. И разница обусловлена не столько разным объемом и качеством первичных данных, сколько разными методическими подходами. В результате, когда эта разница присутствует в границах одного хозяйства или субъекта (а она присутствует, судя по анализу, всегда), практически исключается не только отслеживание вектора изменений численности, но и мониторинг не менее важного показателя – площади, занятой видом. Учитывая же тот факт, что исполнители учетов зачастую вообще не указывают, что включено в арену экстраполяции, отследить изменения этой площади порой невозможно.

Самые ранние данные о заселенной гималайским медведем территории, обнаруженные нами в отчетах, датируются 1956 г., когда исследователь А.П. Казаринов определил ее для территории Хабаровского края в 3,5 млн га, имея в виду станции круглогодичного обитания (следует заметить, что в те годы в составе Хабаровского края числилась и территория ЕАО). Эта величина в какой-то степени перекликается с нашими данными (Даренский, Дунишенко, 2001; Дунишенко и др., 2014). У всех других исследователей, называвших численность гималайского медведя в Хабаровском крае, данных о заселенной видом площади обнаружить не удалось.

Выявленная в результате обобщения нами сведений, представляемых охотпользователями в 2005 г., площадь заселенных угодий составила 4773,1 тыс. га, что в 1,4 раза больше, чем указано А.П. Казариновым для 1956 г. Но в нее в 2005 г. включены все типы лесов в границах ареала. В динамике же имеющиеся в охотоведческих отчетах сопоставимые данные о величине заселенной видом площади выглядят следующим образом (табл. 1.1, рис. 1.1).

Таблица 1.1

Информация о площади угодий, населенных гималайским медведем на территории Хабаровского края в 1999–2010 гг.

Площадь, тыс. га									
1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2010
5891,6	5188,5	5232,6	4979,9	4987,1	4788,2	4773,1	4678,2	4805,9	4700

Примечание. Источник – отчеты: «Численность охотничьих животных в Хабаровском крае в 1999, 2000, 2001, в 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007 гг.» Хабаровск, архив ДВ фил. ВНИИОЗ.

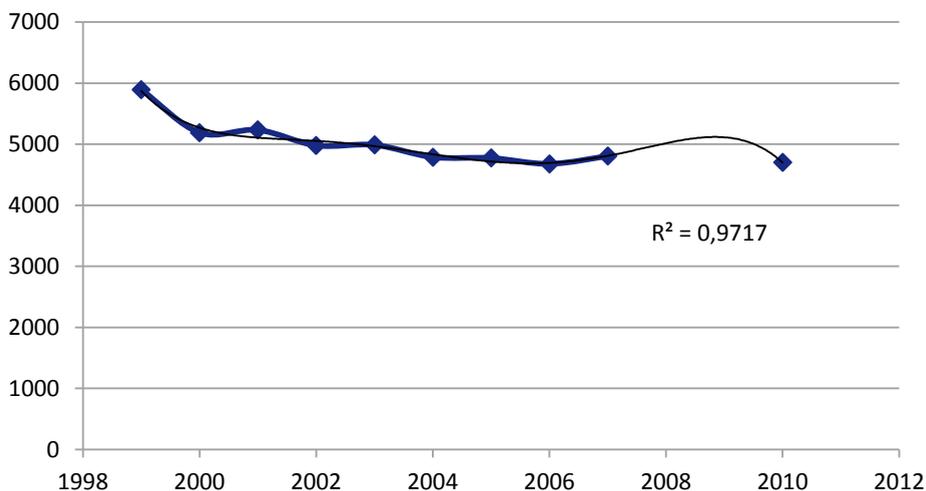

Рис. 1.1. Информация о площади угодий, населенных гималайским медведем на территории Хабаровского края в 1998–2012 гг., тыс. га

Таким образом, разница между максимумом и минимумом (1999–2010 гг.) данных о населенной медведем площади составляет 1191 тыс. га. И если судить по приведенной информации, то можно сделать однозначный и, казалось бы, обоснованный вывод: площадь мест обитания медведя неуклонно сокращается. Можно предполагать, что сокращение по мере расширения хозяйственной деятельности человека действительно есть, но судить о его размерах по этим данным некорректно. Дело в том, что перечисленные в табл. 1.1 показатели касаются преимущественно охотничьих угодий, в которых и проводились ежегодные сборы информации по численности медведя. Но их площадь по мере неуклонного расширения перечня ООПТ также неуклонно сокращалась. Соответственно, за счет исключения территорий с обязательным ежегодным учетом животных уменьшалась в отчетах и площадь заселенных медведем угодий.

Выявленная нами в результате обобщения сведений, представляемых охотпользователями, площадь населенных гималайским медведем угодий в 1999 г. составила 5891,6 тыс. га, в 2005 г. – 4773,1 тыс. га. В монографии «Охотничьи ресурсы Хабаровского края» указана цифра 2325,3 тыс. га. (Дунишенко и др., 2014). Как видим, разница с 1999 г. в сторону снижения более чем в два раза, а в сравнении данных 1956 г. с 1999 г – почти в два раза в сторону повышения. И без дополнительных разъяснений трудно понять, что специалистами охотничьих хозяйств в арену экстраполяции включены все типы лесов в границах ареала, а сведения, приведенные А.П. Казариновым, и наши данные 2014 г. характеризуют только чистую площадь населяемых видом мест круглогодичного обитания. И применимы только для территорий, отнесенных к местам разрешенной охоты, за минусом организованных с 1999 г. ООПТ разного ранга.

Противоречивость сведений о заселенной медведем площади в основном и приводит к большой разнице сведений о величине его поголовья. Гималайский медведь многочислен, «штучный» учет возможен только на ограниченных территориях, что и используется для выявления плотности населения с последующей экстраполяцией полученных данных. При этом постоянно возникает вопрос о том, что же включать в арену экстраполяции, так как эти животные используют в течение года разнообразные угодья. В бесснежный период звери нередко встречаются вдалеке от основных мест обитания и в угодьях, казалось бы, вовсе не свойственных виду. Медведей можно встретить на обширных вырубках, поросших малиной, в мелколиственных лесах, располагающих куртинами жимолости съедобной, на голубичных марях, высокогорных морях и даже в сельскохозяйственных угодьях. В то же время общеизвестно, что от точности выявления арены экстраполяции зависит и репрезентативность конечных результатов, вне зависимости от методик учета, которых применяется достаточно много (Дунишенко и др., 2016). И порой именно при камеральной обработке собранной с огромным трудом информации о плотности населения она полно-

стью обесценивается набором избранных для экстраполяции площадей типов мест обитания, отнесенных к «свойственным». При этом ни в одной методике, а тем более в нормативных документах этому вопросу до сих пор не уделяется должного внимания. Что касается исполнителей, то они лишь иногда указывают, что «экстраполяция произведена на площадь свойственных виду угодий», без расшифровки таксонов, включенных в их состав. В результате не только возникают ошибки, порой неприемлемые, но и полностью исключается мониторинг, основанный на сравнении полученных в одном и том же месте данных.

Кроме того, сравнение «голых» цифр может служить основанием для заявлений о катастрофическом сокращении мест обитания вида и соответствующих выводов чиновников, как это по гималайскому медведю и интерпретируется в настоящее время.

И первостепенная задача инвентаризации популяции при любой из применяемых методик учета – уточнение границ распространения, а затем – выявление площади, на которой находились медведи в момент учета. К примеру, при полевых учетных работах, когда производится инвентаризация популяции по занятым берлогам, ареной экстраполяции могут быть только места круглогодичного обитания, а в момент жировки зверей к «заселенным» угодьям вполне обоснованно могут быть приплюсованы и те угодья, где медведь готовится к зиме.

В результате внятной информации, свидетельствующей о сокращении площади заселенных видом угодий либо границ распространения гималайского медведя, при анализе литературных и ведомственных источников не обнаруживается. Иными словами, утверждения различных авторов (Кучеренко, 1974; Юдин, 1993; и др.), цифрового подтверждения не имеют и без соответствующих полевых сборов на принципах мониторинга и по единой методике иметь не могут. Поэтому прежде следует определиться в едином понимании этих показателей и в принципах подсчета площадей. Иного пути просто нет.

В рамках исполнения настоящего проекта нами сделана попытка уточнить площадь ареала вида. Для ее исчисления привлечен довольно обширный массив данных. За основу взяты сведения охотников о распространении медведя, высота над уровнем моря и выдела растительности по картам типов охотничьих угодий прошлых лет. Границей распространения принята высота 500 м. над ур. м., выделенная по соответствующей горизонтали на топографической карте. В итоге площадь ареала в Хабаровском крае составила 5106 тыс. га, из которых 3211 тыс. га – места круглогодичного обитания. К таковым отнесены леса с кедром, пойменный комплекс и широколиственные леса, включая дубняки. Прочие лесные угодья внутри ареала медведя отнесены к свойственным виду, но вошли в состав станций сезонного пребывания. В эту же категорию входят

не свойственные виду угожья, оказавшиеся внутри ареала, так как в теплый период года встречи медведей здесь не исключены. Площадь ареала гималайского медведя в Хабаровском крае на левом берегу Амура составила 1167 тыс. га, на правом – 3939 тыс.га.

Сложность такого разделения заключалась в том, что карты типов мест обитания, пригодные для анализа, имеют разные сроки давности. Использование для этой цели «элементов среды обитания», исполненных в материалах внутри- и межхозяйственного охотустройства согласно Приказу Минприроды России от 31.08.2010 № 335, оказалось невозможным. Поэтому приведенные расчеты считаем ориентировочными и подлежащими корректировке по мере накопления соответствующих сведений (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Площади, заселяемые гималайским медведем в Хабаровском крае

Муниципальные районы	Площадь ареала, тыс. га	Площадь угодий круглогодичного обитания		Площадь угодий сезонного пребывания, тыс. га.
		тыс. га	%	
Амурский	242	26	10,7	216
Комсомольский	604	296	49,0	308
Хабаровский	1012	496	49,0	516
Нанайский	1055	798	75,6	257
Им. Лазо	1718	1296	75,4	422
Вяземский	302	173	57,3	129
Бикинский	173	126	72,8	47
Всего	5106	3211	62,9	1895

Примечание. Площади мест обитания медведя указаны вместе с ООПТ, в которых площадь угодий круглогодичного обитания составляет ориентировочно 860 тыс. га.

Сведения по Советско-Гаванскому району в расчеты не включены по причине отсутствия доказательной информации. Можно лишь предполагать, что если незначительный, в 10–15 животных, очаг здесь и существует, то на площади не более 20–30 тыс. га, а потенциально пригодная для обитания зверя площадь не превышает 100–120 тыс. га. В Ванинском районе мест, пригодных для зимовки гималайского медведя, фактически нет, и то, что там они ранее указывались, считаем ошибкой, обусловленной сведениями о летних заходах. Кроме того, новые показатели, приведенные в табл. 1.2, обусловлены не только изменениями методического подхода – появились и новые технические возможности, что и позволило провести корректировку данных, опубликованных ранее (Оценка... , 2005; Дунишенко и др., 2014). При этом разница в цифрах к изменению площади ареала отношения не имеет.

На территории Еврейской автономной области гималайский медведь обитает в Облученском и Октябрьском районах, где населяет кедрово-широколиственные леса Хингано-Буреинской горной системы, занимающие площадь порядка 160 тыс. га, встречается в широколиственных лесах, по дубнякам предгорий, поймам крупных рек.

В Амурской области гималайский медведь крайне редок и по этой причине внесен в Красную книгу области. Площадь пригодных для его обитания угодий находится в пределах 200 тыс. га, из которых около 100 тыс. га – кедрово-широколиственные леса. Но какую из них часть зверь действительно населяет в последние годы, выявить можно только при детальных полевых работах, которые практически исключены «краснокнижным» статусом зверя.

Предложенный нами вариант границ ареала вида значительно отличается от сведений, имеющихся в литературе. Но и его нельзя считать окончательным, так как уточнения требуют большой скрупулезной работы, сопряженной с полевыми исследованиями, что выходило за рамки наших возможностей. В целом же можно заметить, что площади круглогодичного обитания гималайского медведя на 38% меньше площадей с учетом его летних стадий.

2 | Плотность населения гималайского медведя в различных местах обитания

Основными местами обитания гималайского медведя являются кедрово-широколиственные леса. Следующие по важности – кедрово-еловые леса, затем пойменный комплекс крупных рек Сихотэ-Алиня, широколиственные леса и дубняки. Качество всех этих угодий различно, что и выражается через плотность населения животного. Обнаруженная в литературе и ведомственных отчетах информация на эту тему довольно скромна – по типам мест обитания медведей считали не часто (табл. 2.1).

Сведения о плотности населения различных типов мест обитания гималайского медведя

Типы мест обитания	Годы получения информации и плотность населения гималайского медведя (особей на 100 тыс. га)			
	1958 ¹	1976 ²	1977 ³	2001 ⁴
Кедрово-широколиственные леса	120	80–100	80–100	
Кедрово-еловые леса		30–40	40–50	
Кедровники		60–80		
Пойменный комплекс		20–30		104
Широколиственные леса		10–20	80–100	62
Дубняки		20–30		
Леса с кедром				85
Вырубки в основных типах мест обитания				10–12

Источники: 1. Сысоев, 1958; 2. Кучеренко и др., 1976; 3. Кучеренко, Рычкова, 1977; 4. Даренский и др., 2001.

Таким образом, данных, приведенных в табл. 2.1, для объективной оценки изменений видовой емкости мест обитания гималайского медведя недостаточно. И причина не только в скромности имеющейся информации. Обобщенные на ареал данные о плотности населения вида в силу особенностей распределения животного по территории не могут служить основой оценки, так как этот показатель зависит и от места учета. Максимальное число медведей на единицу площади обитает в широтном диапазоне 45–47 ° с. ш., в средней части бассейнов рек. И в Приморье, и в Приамурье прослеживаются общие закономерности: снижение плотности населения от центральной части ареала к северу, югу и западу. Существуют свои особенности и в центре распространения вида: чем дальше в горы, тем меньше становится медведей на единицу площади по причине смены поясов растительности. Снижается плотность населения зверя и к низовьям рек, но здесь его пребывание лимитируется увеличением антропогенного воздействия. По этой причине плотность населения, допустим, кедрово-широколиственных лесов в разных частях ареала может значительно различаться.

Ядро популяции, от которого зависит ее благополучие, находится в среднегорьях бассейнов Хора, Бикина, Большой Уссурки, и здесь плотности населения вида максимальны. По этой причине данные, полученные в 1956 г. В.П. Сысоевым, который на площади 10 тыс. га учетной площадки учел (и добыл) 12 гималайских медведей (плотность населения 120 голов на 100 тыс. га) не могут слу-

жить отправной точкой – площадка была заложена в бассейне р. Подхоренок, в элитных местах обитания вида. Но если считать этот показатель максимумом прошлых лет и сравнить его с современной плотностью населения животного тоже в лучших угодьях, допустим, в бассейне р. Дурмин (плотность населения к 2015 г. до 194 особей на 100 тыс. га), то окажется, что численность медведя с 1956 г. не сократилась, а увеличилась.

Если же судить по нашим оценкам, то кедрово-широколиственные леса (КШЛ), остающиеся по значению для вида на первом месте, по плотности населения на большей части ареала уступили первенство пойменному комплексу лесов крупных рек Сихотэ-Алиня. На 2001 г. плотность населения этого типа угодий для Хабаровского края определена в 104 особи на 100 тыс. га (Даренский и др., 2001). По нашим наблюдениям, не стала она меньше и в настоящее время, так как этот тип угодий фактически не трансформирован – широкомасштабные рубки леса здесь не велись по той причине, что большей частью это водозащитные леса, лесопользование в которых запрещено. Что касается кормовой емкости КШЛ, то она однозначно снизилась из-за интенсивного вырубания дуба, маньчжурского ореха, нелегальных рубок кедра. Однако величина этого снижения остается под вопросом.

Сильно пострадали по этой же причине и кедрово-еловые леса. В Хабаровском крае плотность их населения медведем на начало XXI в. зафиксирована в интервалах от 79 в южной до 137 особей на 100 тыс. га в северной части ареала (в среднем – 85), что, казалось бы, противоречит логике. Но в северной части ареала кедрово-еловые леса заменяют выклинивающиеся КШЛ и являют собой лучшие места обитания гималайского медведя. В широколиственных лесах, входящих в ареал вида, зверь обитал с плотностью населения в среднем 62 особи на 100 тыс. га.

Судя по наблюдениям, не выпадают из арены обитания зверя и трансформированные хозяйственной деятельностью человека леса перечисленных типов, но в них средняя плотность населения гималайского медведя была снижена до 11–12 голов на 100 тыс. га. Исключение составляли кедрово-широколиственные леса, давно пройденные выборочными рубками, где этот показатель был в 3–4 раза выше.

В зону елово-пихтовой тайги 15 лет назад зверь заходил преимущественно летом, по поймам рек, изобилующим куртинами черемухи и дерена белого. В последние же годы, судя по опросам охотников, стал чаще встречаться и выше, причем в поймах с наличием деревьев большого диаметра, нередко дуплистых, стал оставаться и на зимовку.

В целом же объективная оценка трансформации угодий, выраженная в конкретных показателях, может быть получена только сравнением данных на мо-

дельных площадках, заложенных в разных частях ареала и обрабатываемых на принципах мониторинга. Таких работ в ретроспективных литературных и ведомственных источниках не обнаруживается, так как они осложняются приказом Минприроды России от 31.08.2010 № 335, которым утвержден совершенно иной перечень элементов среды обитания охотничьих ресурсов, несовместимый с существовавшим ранее. И это практически исключает сравнение современных данных с ретроспективной информацией, так как упомянутым приказом кедровники, кедрово-еловые леса и елово-пихтовая тайга объединены в один тип мест обитания – хвойные вечнозеленые. В него же частично вошли и кедрово-широколиственные леса, которые дополнительно разбиты на «смешанные с преобладанием хвойных пород» и «смешанные с преобладанием лиственных пород». Попытки определять плотность населения медведя по предложенной типологии нам неизвестны и вряд ли возможны в обозримом будущем, потому что для этого потребуется дорогостоящая и объемная работа с картами мест обитания животных и материалами лесной таксации. В этой связи необходимо выбрать модельные площадки, расположенные в наиболее типичных местах обитания, и разработать методику мониторинга, результаты которого и будут обоснованием управленческих решений для осуществления превентивных мероприятий в случае их необходимости.

3 | Численность гималайского медведя на территории Приамурья

Судя по имеющейся в литературе информации, данные о размерах популяции гималайского медведя стали впервые появляться только в начале 70-х годов прошлого века. При этом сведения о численности нередко были противоречивы. По Приморскому краю в конце 1970-х годов называлась величина поголовья и 4–5 тыс. (Костоглод, 1977), и 2,9–3,2 тыс. особей (Абрамов и др., 1977). При этом данные, приведенные указанной группой авторов, были результатом фронтального учета, проведенного в крае в 1973–1974 гг. Средняя плотность населения при учетах была определена в пределах 45–50 особей на 100 тыс. га, площадь арены экстраполяции – в размере 6442,8 тыс. га. Данные этого учета до сих пор считаются наиболее обоснованными. Учитывая объем полевых работ и то, что позже попыток инвентаризации популяции не было вообще, так оно и есть на самом деле. Но это не исключает право на сомнения, которые с нашей стороны обоснованы информацией Г.Ф. Бромлея (1965) и В.П. Сысоева (1969),

хорошо владевших ситуацией, о том, что в конце 1960-х годов, т.е. незадолго до упомянутого учета, плотность населения зверя была высокой. В качестве подтверждения В.П. Сысовым приведен пример добычи двумя промысловиками за сезон охоты на своем участке 19 медведей. Но это было в Хабаровском крае. В Приморье же гималайского медведя было всегда больше, и это дает основание предполагать, что при фронтальном учете все-таки имело место занижение численности по двум причинам. Первая из них – занижение площади, заселенной медведем. Предположение подтверждается результатами обобщения охотустроительных материалов, по которым площадь ареала гималайского медведя только по промысловым хозяйствам в это же время составляла 6,2 млн га, без учета ООПТ, хозяйств общества охотников и пр. Вторая причина ошибки могла быть не менее существенной по причине отсутствия поправочного коэффициента, нивелирующего пропуски значительной части животных, в том числе самок с молодым, залегающих до выпадения снега. Такой коэффициент может быть установлен только на основании сборов по структуре популяции, о чем авторы учета умалчивают. Остались за пределами внимания исполнителей и перемещения медведей в зависимости от урожая наживочных кормов. Кстати, полевые учеты, проведенные охотоведом А.С. Баталовым (1977) в угодьях Приморья, показали и более высокие плотности населения этого зверя.

По итогам обобщения материалов охотустроителей, произведенных нами (Дунишенко, 1977), средняя плотность населения гималайского медведя на тот период для восточных макросклонов Сихотэ-Алиня составляла 35 (lim 19–46), для западных – 73,5 особей на 100 тыс. га (lim 17–144). И если эти показатели экстраполировать на площадь, приведенную авторами фронтального учета, оказывается, что минимальная численность гималайского медведя в начале 1970-х на территории Приморского края составляла 3,8–4,2 тыс. особей, т.е. на 1000 больше. К аналогичному заключению пришел и В.Г. Юдин (1993), анализирувавший результаты того же учета.

А в 1988 г. при независимой экспертизе учетных данных по Приморскому краю сотрудниками Дальневосточного отделения ВНИИОЗ (Баталов и др., 1988, отчет, рук.) этот показатель был уточнен. Площадь заселенных видом угодий в промхозах определена в размере 7190 тыс. га, средняя плотность населения – 58–59 голов на 100 тыс. га, а численность – 4225–4275 особей. При этом тенденция к ее снижению сохранилась только на периферийной части ареала – в Губеровском, Лесозаводском, Кировском, Спасском и Приханкайском госпромхозах. Следовательно, за 10 лет (и за 5 лет пребывания в Красной книге) численность медведя либо выросла до этой величины, либо снизилась с более высокой. Последнее более вероятно, так как авторы предыдущих исследований указывали на хорошо выраженные негативные тенденции.

В Хабаровском крае, если исходить из тех же принципов экстраполяции, в то время обитало минимум 3 тыс., а в целом по ареалу – не менее 7 тыс. особей. С поправками же можно предполагать, что популяция медведя на Дальнем Востоке России в 1970-е годы достигала 8 тыс. особей. Но это, вероятно, не было историческим максимумом, и если судить по плотностям населения, о которых указывали авторы локальных учетов 1950–1960-х годов, численность гималайского медведя к началу 70-х годов прошлого века сократилась в полтора–два раза.

Мы в эти годы плотно занимались охотустройством промхозов Приморья и юга Хабаровского края. В 1960–1970-е годы шло интенсивное вырубание кедровников, условия обитания гималайского медведя действительно ухудшались, что обуславливало неуклонное сокращение численности вида. Тигр, в какой-то мере лимитирующий поголовье, в то время был крайне малочислен.

Приведенные пересчеты данных полувековой давности не претендуют на большую точность. И вовсе не могут служить укором исследователям прошлых лет. Наша цель – хотя бы ориентировочно выяснить, от какой исходной величины и в какую сторону изменялась численность, чтобы иметь представление о ее темпах. А то, что негативные явления имели место, – авторы бесспорно правы. Тем более что по поводу уничтожения кедровников, от которых зависело благополучие не только гималайского медведя, но и еще множества значимых видов, беспокойства и среди ученых, и среди практиков было достаточно. В целом же ретроспективная информация о численности гималайского медведя на территории Хабаровского края показывает следующую динамику (табл. 3.1–3.4, рис. 3.1–3.3).

Таблица 3.1

Данные о численности гималайского медведя в Хабаровском крае
в ретроспективе

Годы учета, численность, тыс. голов (в лимите и средняя)					
1970	1977	1983	1985	1998	1999
2,2-3,0 (2,6)	1,5-2,0 (1,75)	1,1- 1,25 (1,15)	1,4-1,9 (1,65)	1,9	1,52

Примечание. Источники: 1. Кучеренко С.П., Рычкова Н. Охотничьи звери Хабаровского края. Отчет. Хабаровск-Киров, 1977; 2. Дунишенко Ю.М. Численность охотничьих животных в сезон 1982/83 гг. Отчет. Хабаровск, 1983; 3. Кучеренко, 1985; 4. Результаты мониторинга охотничьих ресурсов в охотничьих хозяйствах Хабаровского края. Отчет. Хабаровск, 2000.

Изменения численности гималайского медведя в Хабаровском крае
с начала века

2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1555	1556	1597	1267	1833	1500	2304	2283	2256	2422	2450	2270	2679	2974

Примечание. Источники информации см в табл. 3.1.

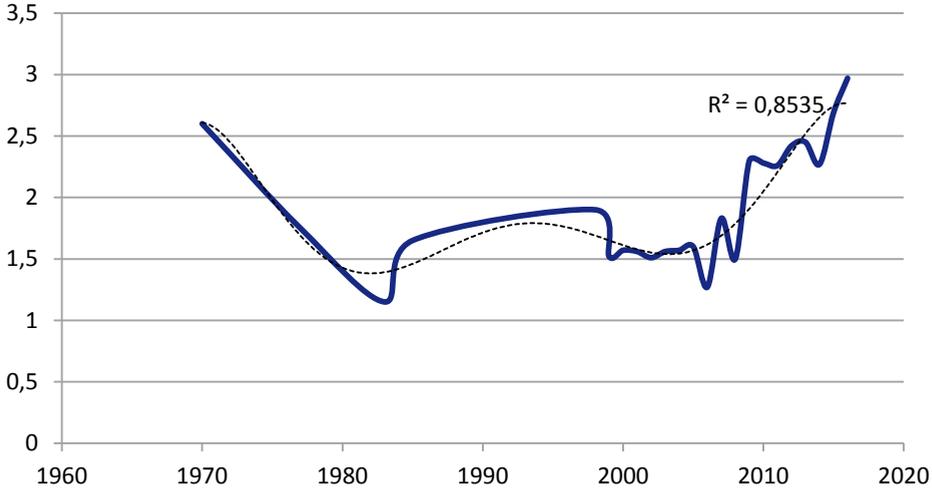

Рис. 3.1. Изменения численности гималайского медведя в Хабаровском крае

Из приведенного анализа ретроспективных данных следует, что с 1970 г., когда в Хабаровском крае была зафиксирована численность в среднем 2,6 тыс. особей, еще 13 последующих лет продолжалось ее снижение. С 1983 г., когда вид был внесен в Красную книгу, изменение статуса медведя к взрывному росту численности не привело, и наступил 23-летний период стабилизации (по 2006 г.). Однако если судить по тому, что с 1993 г. из состава Хабаровского края была выведена территория ЕАО, сохранилась тенденция к росту численности. А плохо она была выражена отчасти потому, что зверя продолжали отстреливать, порой вполне официально, а в начале 1990-х, несмотря на «краснокнижное» его положение — много. Неуклонный же подъем, в результате которого, судя по официальным данным, поголовье гималайского медведя достигло величины 40–45-летней давности, произошел в последние 10 лет. И можно предполагать, что в 2015–2016 гг. начался очередной многолетний спад численности, обусловленный сочетанием неблагоприятных явлений: социальная напряженность в популяции, распространение эпизоотии и отсутствие урожая наживочных кормов (данными официального мониторинга снижение поголовья не подтверждается).

На территории Приморского края изменения численности были менее выражены, что, вероятней всего, связано с низким качеством учетных работ (табл. 3.3, рис. 3.2).

Таблица 3.3

Официальные данные о численности гималайского медведя
в Приморском крае (голов)

Годы учета											
2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
2300	2350	2500	2500	2400	2400	2400	2400	2500	3208	3627	3650

Судя по сведениям, обобщенным и экстраполированным на Дальний Восток в целом (Кучеренко, 1974; Юдин, 1993; Оценка... , 2005), колебания данных о численности также значительны (табл. 3.4, рис. 3.3).

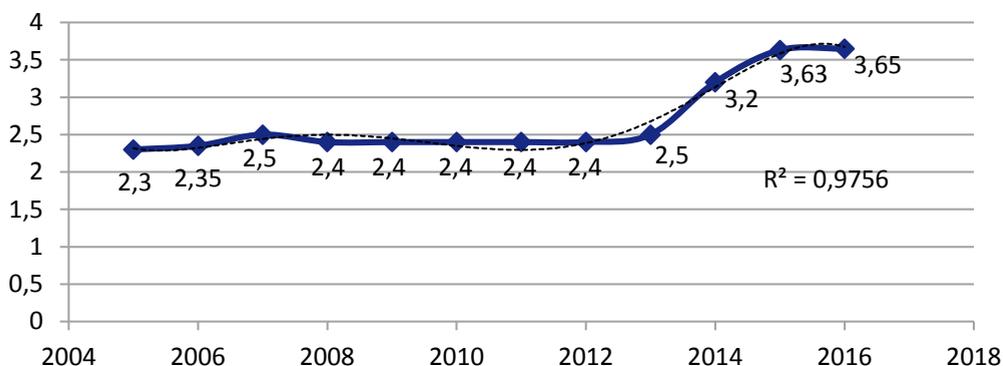

Рис. 3.2. Изменения численности гималайского медведя в Приморском крае

Таблица 3.4

Ретроспективные данные о численности гималайского медведя
на Дальнем Востоке РФ

Годы учета и численность, тыс. голов (в лимите и средняя)							
1970	1972	1974	1985	2000	2003	2005	2016
5,8–7,2 6,5	6–8 7,0	6–7 6,5	4,6–5,4 5,0	5,6	7,4–8,0 7,7	6,0 6,0	6,8

Примечание. В показатели численности гималайского медведя включены данные по ЕАО.

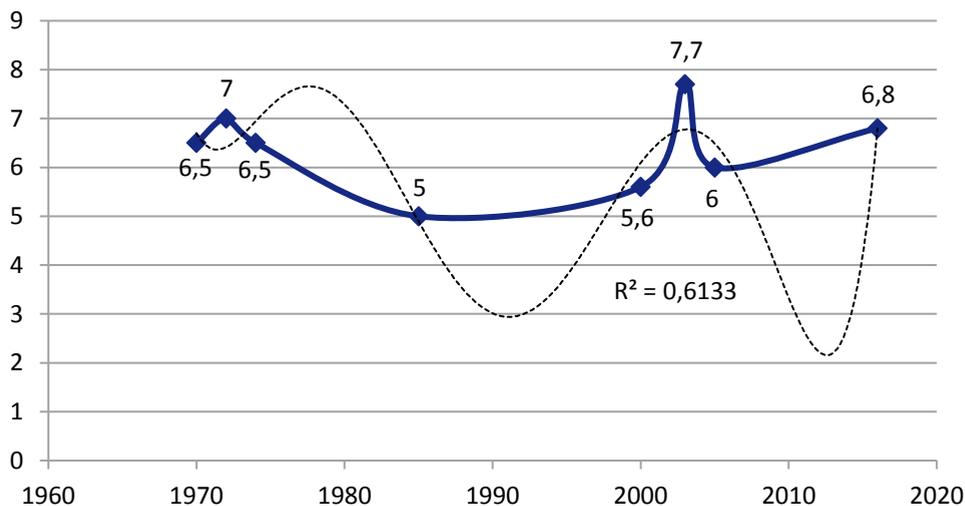

Рис. 3.3. Динамика численности гималайского медведя на Дальнем Востоке РФ в ретроспективе, тыс. голов

К сожалению, более ранних сведений о размерах популяции животного обнаружить не удалось, и можно лишь предполагать, что с вырубанием кедровников она неуклонно снижалась. Затем, если судить по результатам трендового анализа приведенной информации в целом по Дальнему Востоку, в начале 1960-х годов и до начала 1970-х отмечался незначительный рост численности. Затем случился ее «обвал» до минимальной величины, а далее вновь начался рост, который продолжился до 2015 г. Иными словами, «катастрофического положения популяции в последние годы», утверждение о котором явилось основанием для включения вида в список животных, подлежащих внесению в Красную книгу, «цифрового» подтверждения не находит. Что касается конца 1980-х и начала 1990-х годов, то гималайских медведей добывали действительно много, что не могло не отразиться на состоянии популяции. Интенсивный промысел в те годы, на фоне вседозволенности и безнаказанности, стимулировался ажиотажным спросом на желчь при фактически открытых для вывоза дериватов границах. Но интенсивное изъятие совпало с фазой роста численности, поэтому не стало для популяции фатальным.

Мы отдаем себе отчет в том, что полученные результаты анализа уязвимы для критической их оценки – методы определения численности в ретроспективе неизвестны, первичных материалов не сохранилось, и, вероятней всего, это результат экспертной оценки авторов. Но эксперты могут с одинаковой степенью вероятности ошибаться в обе стороны. Кроме того, в их числе ученые, подозревать которых в аффилированности с заготовительными организациями оснований нет.

Можно лишь предполагать, что наибольший урон популяции был нанесен в 1950–1960-е годы, когда кедровники вырубались наиболее активно. Поэтому впервые полученная информация (Абрамов и др., 1977) о численности 45 лет на-

зад характеризует популяцию гималайского медведя в период, когда ее состояние уже не было оптимальным и вызывало большую тревогу специалистов. И причиной этого были не только массивированные рубки леса, но и неумеренный отстрел – о трихинеллезе в те времена знали только специалисты, медвежатина пользовалась большим спросом у населения и поступала в заготовки. Заготавливались и шкуры. К примеру, В.П. Сысоев (1969) оценивал размер ежегодной добычи по Хабаровскому краю в 500 голов. И то, что Главохота выделила средства на учет, а в Хабаровском крае с 1977 г. был введен полный запрет добычи, только подтверждает, что положение было критическим. Поэтому нынешняя численность в 3,0–3,4 тыс. особей – это далеко не тот максимум, который был в 50-е годы прошлого века и которого не достичь уже никогда. Массовая «суета» медведей осенью 2015 г. и продолжавшиеся заходы медведей в населенные пункты в 2016 г. показывают, что емкость угодий при существующем ныне поголовье полностью исчерпывается.

Но катастрофически низкие показатели численности, выявленные авторами учета 1973–1974 гг., стали основанием того, что для гималайского медведя с 1977 г. была введена лицензионная система добычи. А затем, с 1983 г., вид и вовсе был внесен в Красную книгу СССР. Инициаторы этого мероприятия понимали, что виду, ареал которого исчисляется миллионами гектаров, а численность – тысячами, скорое исчезновение вовсе не грозит. Но надеялись, что таким способом можно будет привлечь внимание властей к вырубанию кедровников. К сожалению, время показало, что остановить лесозаготовителей, выполнявших планы пятилеток, беспокойством о судьбе диких животных – задача нереальная.

Так или иначе, но гималайский медведь на долгие годы был выведен из перечня охотничьих животных. Негатив исключения заключался не только в экономических потерях промхозов и нанесении ущерба имиджу Красной книги. Гималайский медведь выпал из списка видов, подлежащих учету. Поэтому, если до запрета охоты о размерах его популяции была хоть какая-то информация, то сведения о численности в этот период крайне ограничены. А далее произошел развал промхозов, начались реорганизации охотничьего хозяйства, и было не до учетов. Что, собственно, и продолжается поныне – обязательной для учета охотничьих животных обозначена методика зимнего маршрутного учета (ЗМУ), который проводится с января по март, когда медведи находятся в берлогах. Поэтому сведения об их численности в большинстве своем до сих пор носят экспертный характер.

При квалифицированной работе этим методом приемлемые результаты получить можно (Дунишенко и др., 2016). Такая оценка основана на подсознательном анализе информации, имеющейся в распоряжении респондента, и часть специалистов обобщает сведения вполне добросовестно. Не исключены и случаи, когда в отчетах приводятся цифры, обоснованные только личным мнением автора отчета, и нередко «с нарастающим итогом», что может приводить к завышению

результатов в целом. Попытки подсчета медведей после их выхода из берлог или в период поздней жировки делаются локально и совсем редко. Информации, подтвержденной полевыми сборами и пригодной для уточнения цикличности изменений численности гималайского медведя, практически нет, а учеными предпочтение до сих пор отдается изучению особенностей экологии, питания, межвидовых отношений, тогда как основные параметры популяции остаются под большим вопросом.

Причина такого «невнимания» – особенность учета гималайского медведя, который осложняется наличием в одних и тех же местах обитания и следов бурого «родственника» (Дунишенко и др., 2016). Отличить следы разных видов в полевых условиях бывает совсем не просто, поэтому работа требует высокой квалификации и заинтересованности учетчиков. Вторая причина заключается в отсутствии следов части медведей, залегающих по чернотропу (Бромлей, 1965; Дунишенко, 2000; Середкин, Пикунов, 2002), а сама инвентаризация популяции требует затрат, соизмеримых с фронтальным учетом тигра. Есть и еще одна причина: учет гималайского медведя наиболее эффективен в годы с хорошим урожаем кормов, когда практически до декабря все животные «на ногах», и обнаружить их следы не составляет большой проблемы. К такому выводу еще в 1970-е годы пришел Д.Г. Пикунов (1987), и с этим трудно не согласиться. В остальные сезоны приходится вводить дополнительные поправочные коэффициенты, для чего нужно постоянно отслеживать изменения структуры популяции.

А в начале 1990-х годов, когда ажиотажный спрос на желчь, а затем на лапы медведей стимулировал промысел, и для популяции действительно создавалось угрожающее положение, заниматься судьбой вида было просто некому. Но рынок постепенно насыщался, все жестче становился таможенный контроль, на страны-потребители все сильнее оказывала давление мировая общественность. В результате к 2010–2011 гг. рынок фактически «скукожился», и медведи вновь получили время на восстановление нанесенного урона.

Впрочем, можно с уверенностью предполагать, что динамика численности гималайского медведя гораздо сложнее, чем выявленная нами в процессе анализа ретроспективной информации, и сопровождается взлетами и падениями, обусловленными сочетанием условий существования. Зверь плодовит и не может не реагировать, допустим, на обильные урожаи наживочных кормов.

По официальным данным за 19 лет (с 1998 г. по 2016 г) численность гималайского медведя в Хабаровском крае возросла с 1,9 до 2,9 тыс. особей. При этом при плохо выраженной динамике увеличение происходило в среднем на 1,9% в год за счет видимых изменений в бассейнах Хора и Анюя, где располагается ядро популяции (табл. 3.5, рис. 3.4).

Таблица 3.5

Численность гималайского медведя в Хабаровском крае в разрезе муниципальных районов по данным охотпользователей, голов

Муниципальные районы	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	В среднем
Бикинский	67	76	83	59	60	80	75	71
Вяземский	126	135	137	88	99	143	164	127
Им. Лазо	880	956	934	648	1013	1176	1364	996
Нанайский	677	682	713	774	952	831	924	793
Комсомольский	230	325	328	300	300	317	317	302
Хабаровский	262	248	255	261	255	347	503	304
Всего	2256	2422	2450	2130	2679	2894	3347	2593

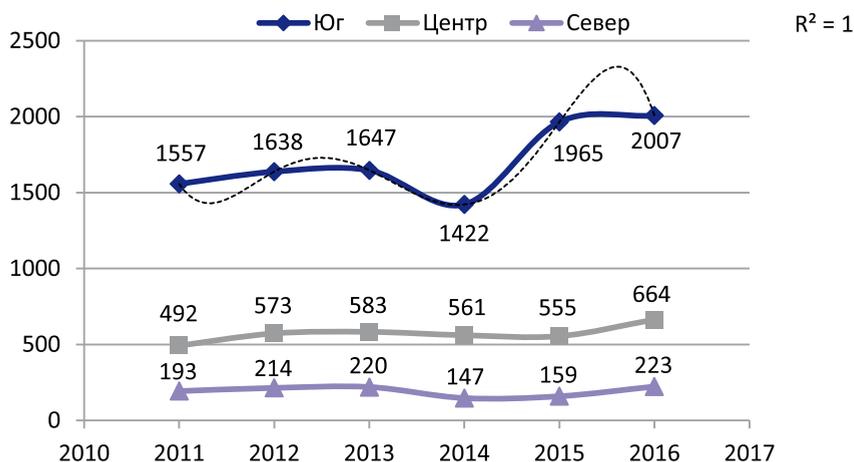

Рис. 3.4. Динамика численности медведя по зонам (Бикинский и Вяземский районы – юг, Комсомольский и Хабаровский – север)

В ЕАО, если верить приведенной в официальных документах информации, численность гималайского медведя с 2010 г. до 2015 г. стабильно снижалась от 350 голов до 200, а с 2015 г. начался ее рост. Насколько это соответствует действительности сказать трудно, так как половину этого периода, если судить по цифрам, в среднем численность была стабильна – 300–350 особей (рис. 3.5, табл. 3.6).

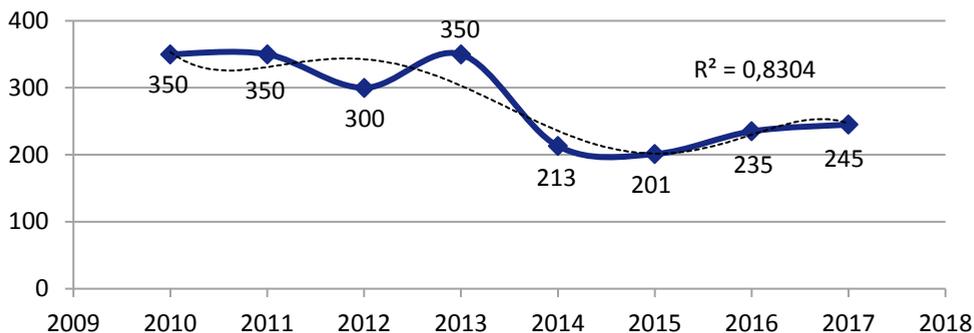

Рис. 3.5. Динамика численности гималайского медведя в охотничьих угодьях ЕАО

Таблица 3.6

Численность гималайского медведя в муниципальных районах ЕАО
(без учета ООПТ)

Муниципальный район	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Облученский	190	194	163	181	122	120	135	150
Октябрьский	160	156	137	169	91	81	100	95
Итого	350	350	300	350	213	201	235	245

В целом же по ЕАО средняя за 8 лет численность составляет 280 особей, плюс к которым еще 70–80 медведей обитает на ООПТ области. А всего на левом берегу Амура, с учетом зверей, обитающих в Хабаровском районе, группировку составляют в среднем около 600 особей

3.1 | Результаты учета гималайского медведя в сезон 2016/2017 гг.

Благополучие популяции гималайского медведя в последнее десятилетие подтверждается и нашими экспертами (n-115): стабильной численность считают 63,6%, 29,2% наблюдали рост, причем большинство – от 20% и более. И только 7,3% экспертов указали на локальные снижения, приуроченные к долине р. Хор ниже п. Бичевая, преимущественно в станциях сезонного пребывания животных.

Определение размеров популяции вида произведено несколькими методами. Первый из них, который мы считаем вполне достоверным, – картирование наблюдений промысловиков, имеющих многолетние наблюдения

на закрепленных за ними участках. При этом методе учета в связи с тем, что информация охотниками была представлена в целом на участки, экстраполяция полученной плотности населения произведена на площадь свойственных виду угодий, включая все ООПТ в ареале вида (табл. 3.7).

Таблица 3.7

Численность гималайского медведя
по данным картирования наблюдений охотников

Районы	Площадь участков картирования, тыс. га	Учено медведей		Плотность на 100 тыс. га		Площадь заселенных угодий, тыс. га	Численность голов	
		min	max	min	max		min	max
Бикинский	16,5	24	24	145,5	145,5	110	160	160
Вяземский	29,5	31	32	105,1	108,5	303	318	329
Им. Лазо	221,3	140	165	63,3	74,6	1719	1088	1282
Нанайский	322,8	223	264	69,1	81,8	1056	730	864
Хабаровский	189,2	112	125	59,2	66,1	628	372	415
Комсомольский	191	141	156	63,3	74,6	420	312	347
Итого	970,3	671	766	69,1	78,9	4236	2980	3397

Примечание. Из площади ареала (5106 тыс. га) исключены угодья спорадического распространения в Амурском и Хабаровском районах общей площадью 870 тыс. га.

Выявленная таким методом численность (3,0–3,4 тыс. особей) оказалась близкой к официальным данным, включенным в Государственный мониторинг (3347 особей без учета Анойского национального парка и медведей, обитающих на хр. Хехцир). Несколько ниже, но близкой к данным картирования сведений охотников оказалась плотность населения медведя и по экспертной оценке 10 специалистов охотничьего хозяйства, оценивавших численность во всех названных районах в хозяйствах общей площадью 1159 тыс. га (69,4–70,1 особи на 100 тыс. га), что при экстраполяции показывает численность 2940–2970 особей.

При обработке собранной информации предполагалось, что в характеристиках группировки животных левобережного очага, учитывая его обособленность, может быть выявлена большая разница, поэтому данные группировались отдельно. Численность здесь, так же как и на остальной части ареала, определялась на маршрутах, площадках и картированием результатов наблюдений промысловиков на своих охотничьих участках. При этом в ноябре, при первых снегах, было проложено 5 маршрутов общей протяженностью 62 км, на которых были учтены следы 11 гималайских и 11 бурых медведей. Встречаемость следов гималайских медведей составила 1,77 на 10 км. В апреле, после выхода животных

из берлог, проложили еще 8 маршрутов общей протяженностью 84,6 км, на которых было учтено 23 следа гималайских медведей, или 2,71 след на 10 км маршрута. Полученная разница подтверждает то, что значительная часть животных залегла в берлоги до выпадения снега. По приведенным данным можно предполагать, что на левом берегу Амура соотношение бурых и гималайских медведей – практически один к одному (1:1,13 в пользу гималайского). Плотность населения в очаге отличается от таковой на остальной части ареала незначительно и составляет 59,2–66,1 особи на 100 тыс. га. Площадь ареала гималайского медведя в этой его части составляет ориентировочно 926 тыс. га, из которых на площади 628 тыс. га медведи обитают постоянно. Следовательно, численность находится в пределах 400 особей.

Второй метод, основанный на обработке учетных площадок после выхода животных из берлог, показал несколько иные результаты (табл. 3.8).

Табл. 3.8

Результаты площадного учета гималайского медведя

Место учета	Площадь, тыс. га	Исполнители	Учтено, голов	Плотность населения на 100 тыс. га
ЛОХ «Дурминское»	8	А.С. Баталов	3	37,5
Обор, верховья	2,5	А.Г. Вьюшков	1	40
Р. Камэн	18	В.Ф. Митрошин	13	72,7
Верховья р. Матай	5,5	В.В. Атрошенко	4	72,7
Кл. Светлый	2,56	В.В. Лобанов	2	78,1
Кл. Ветвистый	1,65	В.В. Лобанов	4	242
Амтур	5	А.Е Самарин	17–20	340–400
Итого	43,2		44–47	101,8–108,8

Примечание. В Дурминском хозяйстве из 36 проверенных на площади 8 тыс. га берлог учтено 5 залегших в них медведей, но до весны 2 были убиты тигром и гималайским медведем.

Показатели плотности населения гималайского медведя, полученные на площадках, оказались значительно выше, чем при картировании наблюдений охотников, что вполне справедливо, так как учет по выходу из берлог проводился в местах зимовок зверя. Площадь таких станций в ареале гималайского медведя в Хабаровском крае составляет 3211 тыс. га. Следовательно, численность зверя, определенная при помощи площадного учета, – 3270–3490 особей, что находится в пределах допустимых отклонений от результата, приведенного выше. Таким образом, численность гималайского медведя к весне 2017 г. определена в пределах 3,0–3,5 тыс. особей, т.е. на 300 голов выше отчетной 2016 г. (2894 особи) и настолько же ниже данных Государственного мониторинга 2017 г.

В то же время повышенный отход животных в 2016 г. бесспорно, был, и предполагалось снижение поголовья в сравнении с данными 2006 г. как минимум на 20–30%. Поэтому для нас полученный результат оказался полной неожиданностью. Причин может быть две: либо численность при экстраполяции завышена, либо в предыдущие годы размеры популяции недооценивались. Последняя версия, по нашему мнению, имеет большее право на существование. Это подтверждается использованием в последние годы при учете медведей «фотоловушек». К примеру, на модельной площадке, расположенной в охотничьем хозяйстве «Амтур», имеющей площадь 5 тыс. га, по выходе из берлог подтверждено фотодокументами наличие 11–14 медведей, преимущественно крупных самцов. Кроме того, на момент учета еще находились в берлогах две самки, имеющие по одному медвежонку (залегание зафиксировано осенью), и в двух берлогах прослушивались голоса новорожденных. Таким образом, плотность населения составила 3,4–4,0 особи на 1000 га (340–400 голов на 100 тыс. га без учета народившихся медвежат), тогда как плотность населения 2 медведя на 1000 га при обычных учетах казалась неправдоподобно высокой.

Попытка составить представление о масштабах происходящих в популяции негативных изменений была сделана путем сравнения учетных данных на модельной площадке по выходе животных из берлог в верховьях Матая. Здесь на площади 5,5 тыс. га учеты проводились три последних сезона. Весной 2015 г. плотность населения составила 90,9 особей на 100 тыс. га, но весной 2016 г., вместо ожидаемого снижения, оказалась в 2,4 раза большей (218,1 особи), а весной 2017 г. – в три раза меньшей (72,7 особи). Кроме того, на этой же территории осенью 2015 г. проведен и учет по следам, в результате которого плотность населения определена в 134,6 особи на 100 тыс. га (снижение, но на 12,9%). Аналогичные наблюдения собраны в охотничьем хозяйстве «Амтур», где в контролируемые 20 берлог в разные годы ложилось от 2 до 8 медведей. Приведенные результаты показывают, что динамика устройства животных на зимовку фактически не связана с изменениями численности и, вероятней всего, зависит от их миграционной подвижности, обусловленной распределением кормов. Тем не менее, негативные изменения в популяции прослеживаются, но установить по этим данным общие размеры отхода животных вряд ли возможно. Можно лишь предполагать, что к сокращению размеров популяции при росте в 20% могла привести лишь гибель более 500–550 животных. И не исключено, что резкое снижение численности гималайского медведя на некоторых участках бассейнов р. Хор и Дурмин объясняется не столько гибелью медведей, как считают некоторые специалисты, сколько их перераспределением по площади ареала. Такое предположение основано и на том, что именно в этих местах была наиболее высокая плотность населения тигра, что не добавляло комфорта обитанию медведей.

4 Структура и репродуктивная способность популяции

Сведения о структуре популяции гималайского медведя еще более скромны и противоречивы, чем данные о численности, и в официальных документах представлены половозрастным составом животных в добыче. Но при этом прослеживается хорошо выраженная избирательность отстрелов, искажающая истинную картину (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Структура добычи гималайского медведя

Годы сбора данных	Пол и возраст									
	Взрослые				Медвежата		Пестуны		Всего	
	самцы		самки							
	голов	%	голов	%	голов	%	голов	%	голов	%
2009–2016	219	63,6	67	19,5	24	7,0	34	9,9	344	100

Именно по этой причине в структуре добычи преобладают самцы – охотники и из этических соображений, и из соображений собственной безопасности в самок с медвежатами стреляют реже. Кроме того, с развитием трофейных охот, предполагающих достойную добычу, их организаторы хорошо освоили способы определения «содержимого» берлоги. С этой целью отслеживается залегание крупных самцов по следам на снегу, составляется представление по царапинам, оставленным на стволе душлистого дерева и характеризующим ширину лапы, используются «фотоловушки».

Впрочем, о преобладании самцов в популяции этого вида свидетельствовал и Г.Ф. Бромлей (1965). Но информация о добыче медведей в берлогах, собранная нами ранее (n-78), когда трофейная охота осуществлялась крайне редко и избирательность была минимальна, показывает совершенно другую структуру популяции: взрослые самки – 34,6%, взрослые самцы – 16,7%, медвежата – 43,6%, пестуны – 5,1% (Оценка... , 2005). Аналогичные цифры приводит и В.Г. Юдин (взрослых самок – 35%, сеголетков – 46,6%, прошлогодков – 5,1%, на взрослых самцов остается 13,3%), однако при этом автор соглашается с мнением Г.Ф. Бромлея о преобладании самцов (Юдин, 1993). К сожалению, на основании какой выборки и каким методом выявлялась структура популяции, в его работе не сообщается.

Что касается наших сборов, представляющих обобщенную информацию за ряд лет, то они показывают, что половой состав популяции в зависимости от фазы изменений численности различен, поэтому осредненные данные ис-

тинную ее структуру не отражают. Но главное – не отражают и тенденцию происходящих изменений. И это один из вопросов, без выяснения которого достаточно трудно планировать и рациональное использование, и учет медведя.

Следующий вопрос, который важен для обсуждения статуса вида, – воспроизводственные способности популяции. Прямое отношение к ним имеет размер выводка гималайского медведя. Для его выявления применен метод сбора и анализа достоверных наблюдений самок с медвежатами-сеголетками (Оценка... , 2005). Сборы производились преимущественно в теплый период года, поэтому показывают размер выводка, в котором уже произошел некоторый отход. Но для планирования изъятия величиной ранней постэмбриональной смертности можно и пренебречь, так как важен не размер приплода, а размер прироста, к которому такие данные гораздо ближе. Обобщенный вариант сборов разных лет выглядит следующим образом (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Размеры выводков гималайского медведя по анализу случаев наблюдения самок с медвежатами

Годы сбора информации	Наблюдения самок с медвежатами, %				Всего выводков	Всего медвежат	Средний размер выводка
	С одним	С 2	С 3	С 4			
1999–2004	46,2	46,5	7,0	0,25	400	645	1,61
2009–2016	40,8	51,0	7,6	0,6	304	511	1,68
Всего выводков	309	341	51	3	704		
%	44,0	48,4	7,2	0,4	100		
Всего медвежат	309	682	153	12		1156	1,64
Удельный вес медвежат в выводках в среднем, %	26,8	59,0	13,2	1,0	100		

Если рассматривать обобщенную за ряд лет информацию, то на основе приведенных в табл. 4.2 сведений можно заметить, что существенных изменений в популяции не выявляется и в среднем выводки, сопровождающие самок, состоят из 1,64 сеголетка. При этом основу размножения вида составляют самки, имеющие по два и три медвежонка. В этих выводках сосредоточено 72,2% медвежат популяции.

В то же время по годам в величине выводков наблюдается существенная разница (рис. 4.1).

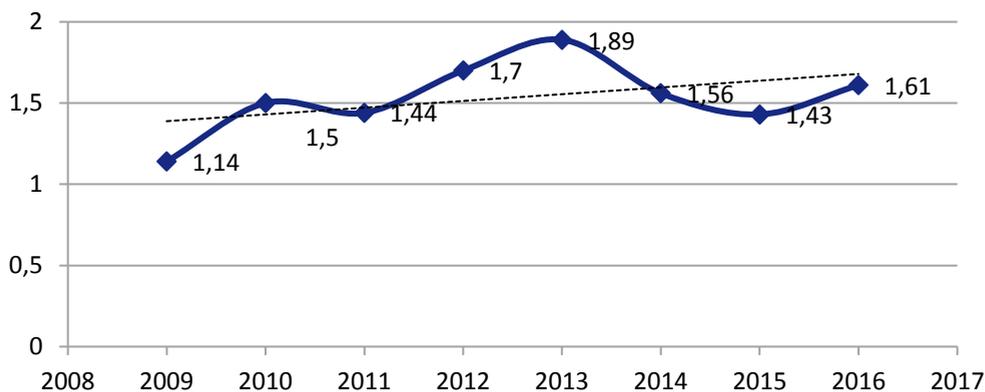

Рис. 4.1. Колебания величины выводка

Для выявления причин столь существенных сезонных колебаний было сделано предположение, что они могут быть как-то связаны с урожаем основных жировочных кормов, из которых семена кедра, на наш взгляд, имеют решающее значение. Для сравнения этих величин в сопоставимых показателях урожай семян кедра был выражен в процентах (5 баллов – 100%), а удельный вес двоен и троен был суммирован (рис. 4.2).

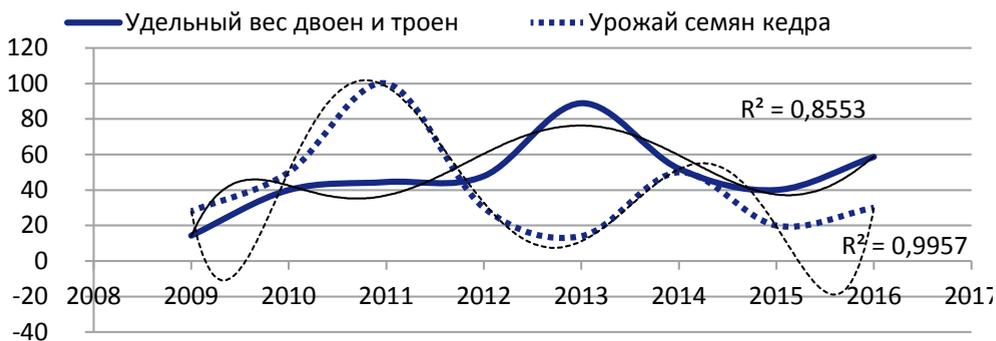

Рис. 4.2. Удельный вес двоен и троен в зависимости от урожая семян кедра

Результат такого анализа позволяет предположить, что хороший урожай способствует значительному увеличению приплода, максимум размера которого приходится на второй год после урожая. Естественно, что в таком предположении есть и основания для сомнений. Как уже указывалось, сборы информации производились только по выводкам, уже следующим за матерью, поэтому вопрос о том, что увеличивается – размер приплода или его сохранность, остается под вопросом. И вполне возможно, что увеличение объема данных по раннему постэмбриональному отходу медвежат опровергнет предположение об увеличении плодовитости. Однако в любом случае полученные результаты подчеркивают важность сохранения кедровников как основы благополучия популяции вида.

К сожалению, отсутствие в ретроспективных источниках достаточного ряда данных не позволяет выявить четкие закономерности в колебаниях величины выводков, которые неизбежно должны присутствовать на разных фазах изменений численности. Так, по нашим данным, собранным в 1970-е годы (Дунишенко, 1977), среднее число медвежат, сопровождающих самку, было 1,76, а через 15 лет В.Г. Юдин (1993) привел более высокий показатель (2,01), и вовсе не исключено, что эта разница может быть отражением соответствующих фаз движения численности.

Наши исследования в поисках косвенных показателей, объективно отражающих изменения численности, проводились и в другом направлении. Полагая, что в основе репродуктивной способности вида немаловажное место занимает динамика полового соотношения животных, был сделан анализ полового состава 176 медвежат-сирот (табл. 4.3), поступавших в реабилитационный центр «Утес» с 1995 по 2016 г., сведения о которых были любезно предоставлены нам руководителем центра Э.В. Кругловым.

Таблица 4.3

Поступление медвежат-сирот в реабилитационный центр «Утес»

Год	Поступило медвежат, голов			Самок на 1 самца
	самок	самцов	всего	
1995	9	2	11	4,50
1996	6	1	7	6,00
1997	6	3	9	2,00
1998	4	3	7	1,33
1999	4	2	6	2,00
2000	5	2	7	2,50
2001	2	2	4	1,00
2002	4	3	7	1,33
2003	8	2	10	4,00
2004	3	3	6	1,00
2005	6	4	10	1,50
2006	8	2	10	4,00
2007	6	6	12	1,00
2008	3	4	7	0,75
2009	7	2	9	3,50
2010	4	1	5	4,00
2011	2	4	6	0,50
2012	6	1	7	6,00
2013	7	1	8	7,00
2014	5	2	7	2,50
2015	7	6	13	1,17
2016	6	2	8	3,00
Всего	118	58	176	2,03

Однако приводя эту информацию, мы не подвергаем сомнению данные уважаемого и знающего специалиста Г.Ф. Бромлея. И в свете того, что выявляется по мере увеличения сборов и истечения времени, вполне допускаем, что в 1960-е годы в популяции вида действительно преобладали самцы. Но начиная с 2005 г. и до наших дней все обстоит иначе. Анализ полового соотношения медвежат текущего года рождения показал, что в среднем на одного самца появлялось на свет (не учитывая возможную гибель животных в ранний постэмбриональный период) в среднем 2,03 самочки. Более того, несмотря на незначительную выборку (с 1995 г. в среднем в год в центр реабилитации поступало по 8 медвежат), прослеживается динамика поступлений, которая наводит на мысль о существующих закономерностях, вполне возможно связанных не только с динамикой добычи, но и с динамикой численности животных (рис. 4.3).

Рис. 4.3. Динамика численности (тыс. особей) и поступление медвежат-сирот (голов)

Как можно заметить по трендам, поступление медвежат в центр реабилитации в целом за 22 года возросло практически синхронно с ростом размеров популяции, что может косвенно подтверждать этот рост. При этом годовые колебания численности, по вполне понятным причинам, не улавливаются, так как находятся в пределах статистической ошибки учета.

Как следует из приведенных данных, неуклонный рост численности сопровождался и изменениями полового состава в пользу самок, что дает основания для предположения о том, что именно увеличение в популяции их удельного веса и обуславливало рост размеров популяции (рис. 4.4).

Рис. 4.4. Соотношение самок, приходящихся на одного самца, с численностью гималайского медведя

Но, как можно заметить, изменение полового состава имело довольно хорошо выраженную трехлетнюю цикличность. В поисках ее объяснения было сделано предположение о том, что это как-то может быть связано с изменениями кормовых условий. Поэтому было обращено внимание на цикличность урожаев основных видов наживочных кормов: семян кедра, желудя, орешков лещины. Сравнивалась периодичность урожаев как каждого вида в отдельности, так и в суммарном выражении. Наиболее тесная связь установлена с урожаями семян кедра (рис. 4.5).

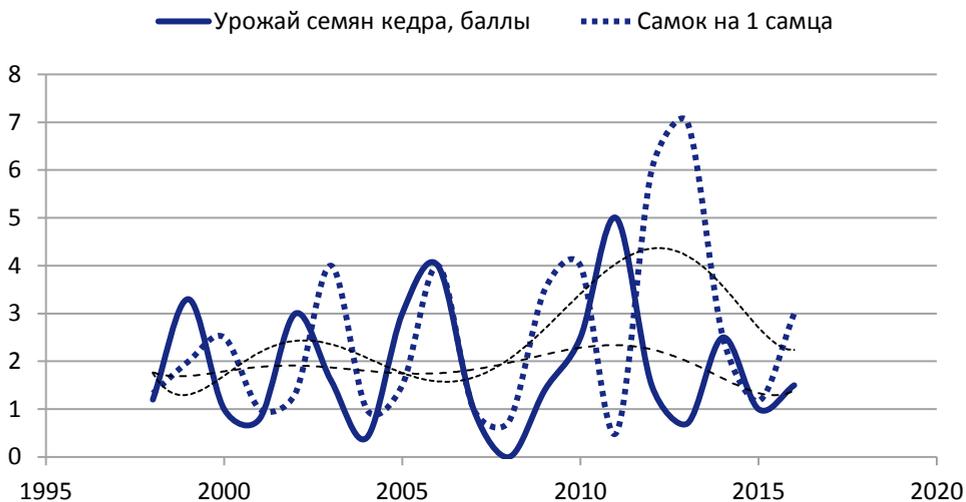

Рис. 4.5. Соотношение урожаев семян кедра и числа самок на одного самца

Из приведенной на рис. 4.5 информации можно заметить, что после урожая семян кедра в три и более балла происходят и изменения полового соотношения в пользу самок (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Годы урожая кедра в 3 балла и более и годы с максимальным числом самок в половом соотношении

Годы с урожаями семян кедра 3 балла и более	Годы с максимальным числом самок в соотношении с самцами
1999	2000
2002	2003
2006	2006
2011	2013

Исключение составляет только 2006 год, когда эти величины, по непонятной для нас причине, совпадают. Тем более что 2004–2005 гг. характеризуются как период тотальных неурожаев всех видов нажировочных кормов. В принципе же это может зависеть как от малой выборки, так и от точности балльной оценки урожая семян кедра в 2005 г., когда наблюдалось локальное плодоношение и информация была противоречивой. В целом же, несмотря на спады и подъемы, вектор увеличения числа самок все эти годы был положительным, в то время как общий объем нажировочных кормов имел тенденцию к снижению (рис. 4.6).

Рис. 4.6. Соотношение размеров суммарной оценки урожая кормов (семян кедра, желудя и орешков лещины), выраженных в баллах, и числа самок, приходящихся на одного самца

В отличие от Сихотэ-Алиня, на левобережной части ареала гималайского медведя три года подряд кедр плодоносил хорошо. Но достаточного для анализа ряда данных получить не представилось возможным. Однако несмотря на фактическую изолированность очага, здесь также прослеживается связь между размерами выводков и урожаями семян кедра, так как следом за ними, в 2016 г., за счет роста числа двоен и троен до 2,0 особи (n=12) увеличился и размер выводка. В среднем же за три последних года он составил 1,88 особи (n=24), что на 17,5% больше, чем на Сихотэ-Алине. Кроме того, если судить по структуре добычи (n=17), увеличился и удельный вес самок, которых в 2016 г. было добыто почти вдвое больше, чем самцов (41,2%). В среднем же за три последних года структура добычи (n=22) была следующей: взрослые самцы – 27,2%, самки – 36,4, сеголетки – 9,1, пестуны – 27,3%.

Что касается основного ареала, то приведенная информация дает основания предполагать, что именно обилие кормов в 2010 и 2011 гг. и обусловило рост числа самок в приплоде в 2012 и 2013 гг. и сохранность молодняка предыдущих генераций. А затем – массовое появление молодняка гималайского медведя в 2015 и 2016 гг. Как результат – возникшее несоответствие численности и кормовой емкости угодий, стрессовая ситуация, обусловившая перемещения животных, заболевания, и повышенная элиминация.

Изложенная информация позволяет сделать следующие предположения.

1. Динамика численности гималайского медведя циклична, она состоит из малых колебаний, определяемых кормовыми условиями, и больших длительностью, предположительно, в 40 лет. Судя по динамике происходящих явлений, можно предполагать, что в 2015–2016 гг. закончился период многолетнего роста популяции, и с этого времени начинается очередной цикл: снижение, стабилизация, восстановление.

2. Учитывая цикличность урожаев нажировочных кормов, неизбежный повышенный отход животных в «голодные» годы компенсируется возрастанием размеров двоен и троен и удельного веса самок в выводках медведя после урожайных лет, что позволяет популяции в короткие сроки компенсировать потери и поддерживать численность в стабильном состоянии. Общая тенденция изменения размеров популяции в этом случае определяется емкостью угодий.

3. Судя по результатам анализа косвенных показателей, численность гималайского медведя с 1998 г. действительно росла и к 2015 г. достигла, вероятно, максимума, не соответствующего кормовой емкости угодий, резко сниженной в результате неурожая основных нажировочных кормов. Именно это и предопределило повышенную элиминацию животных, в первую очередь молодняка и зверей с ослабленным иммунитетом, больных и неспособных обеспечить пропитание, достаточное для накопления к зиме жировых запасов.

4. Произшедший отход животных мы расцениваем как жесткий отбор, способствующий оздоровлению популяции, а не как трагедию, которая может быть положена в основу рекомендаций для внесения вида в Красную книгу. Для ликвидации последствий достаточно снизить пресс охоты либо запретить добычу на 3–4 года при одновременном усилении охраны, проведении мероприятий по защите среды обитания от разрушения рубками.

Кроме того, изложенная информация дает основание для следующего предположения.

Несмотря на то что годы с одновременным хорошим плодоношением всех видов растений, обеспечивающих медведя нажировочными кормами, случаются с периодичностью 2–4 года (2001–2002, 2005–2006, 2010–2011), рост числа самок и размеров выводков стимулируется в основном урожаями семян кедр. Причина, вероятно, в генетической взаимосвязи этих животных именно с кедровниками, которые ранее определяли общий фон лесов, населенных гималайским медведем. И если это так, то очевидно, что состояние популяции гималайского медведя зависит не от изъятия животных промыслом, а от состояния среды обитания и урожая нажировочных кормов.

В связи с этим можно предположить, что предыдущее, имевшее место в 1970-е годы прошлого века снижение численности зверя, обусловившее его занесение в Красную книгу СССР, было обусловлено массовым вырубанием именно кедровников. Поэтому и «период ремиссии» был длительным – медведи приспособлялись к замещению семян кедр другими видами кормов.

Но чтобы составить более четкое и доказательное представление о механизме изменений численности, важно выяснить число фертильных медведиц, не имеющих приплода. По нашим данным, собранным ранее (n=27), прохолоставшие, или потерявшие приплод самки составляли 29,6%. Практически не изменилась эта величина и в наши дни: из 12 отстрелянных взрослых самок 4 особи (33,3%) потомства не имели, что соответствует и данным, приведенным В.Г. Юдиным (30%). Но это все сборы за ряд лет, отражающие среднюю величину прохолостания, тогда как и этот показатель может быть по разным сезонам так же динамичен, как и размер выводка. Тем не менее, выявленные особенности динамики структуры популяции подтверждают высокий потенциал размножения вида.

5 | Сведения об официальной и фактической добыче гималайского медведя

Согласно существующим нормам, сезонное изъятие гималайского медведя допускается в размере до 10% от численности. Фактически же лимит отстрела в Приамурье устанавливается в размере не более 5% от учтенного поголовья. А добывалось по лицензиям и вовсе в среднем 32,8 особи в год, включая добычу приезжими туристами, что на состоянии популяции медведя сказаться практически не могло (табл. 5.1–5.3, рис. 5.1–5.3).

Таблица 5.1

Информация о размерах официальной добычи гималайского медведя в Хабаровском крае

Годы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Численность	1597	1267	1833	1500	2304	2283	2256	2422	2450	2270	2970	2894
Лимит	45	40	45	45	45	45	85	100	123	134	139	219
Факт. добыча	21	10	28	29	18	12	12	25	46	43	81	69
Освоение, %	46,6	25,0	62,2	64,4	40,0	26,7	14,1	25,0	37,4	32,1	58,3	31,5
Изъятие, %	1,31	0,79	1,53	1,93	0,78	0,52	0,53	1,03	1,88	1,89	2,73	2,38

Таблица 5.2

Информация о размерах официальной добычи гималайского медведя в Приморском крае

Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Численность	2300	2350	2500	2500	2400	2400	2400	2400	2500	3000
Лимит	90	70	60	60	100	100	130	130	150	138
Добыча	41	60	56	32	29	54	71	87	110	54
Освоение, %	45,6	85,7	93,3	53,3	29,0	54	54,6	66,9	73,3	39,1
Изъятие, %	1,78	2,55	2,24	1,28	1,21	2,25	2,96	3,63	4,4	1,8

Как можно заметить, на графиках четко прослеживается, что и в Хабаровском крае, и в Приморье увеличение лимита добычи к адекватному росту размеров изъятия не приводит. Чем больше лимит – тем больше разрыв между этими показателями, что в принципе может быть истолковано как завышение численности. На самом же деле возрастание разницы между показателем добычи и лимитом происходит по причине сокращения числа желающих покупать лицензии – до 30% выделенных разрешений охотпользователями и охотниками не выкупаются. В качестве примера можем привести имеющиеся у нас данные: в 2015 г. из 139

разрешений на отстрел по лимиту охотпользователи забрали только 106 (76,3%), а из известного нам по части хозяйств лимита на 2016 г. в 103 особи было выдано всего 26 (25,2%). Основная причина снижения заинтересованности охотников – высокая стоимость разрешений (6 тыс. руб., да столько же за путевку), что в сумме с прочими затратами на организацию охоты резко ограничивает контингент желающих. Сказывается и сокращение сроков охоты, резко снизившее коэффициент ее успешности за счет фактического исключения охоты на берлогах, а также снижение спроса на дериваты, ограниченное повышением эффективности работы таможенных органов.

Рис. 5.1. Лимит и официальная добыча гималайского медведя в Хабаровском крае

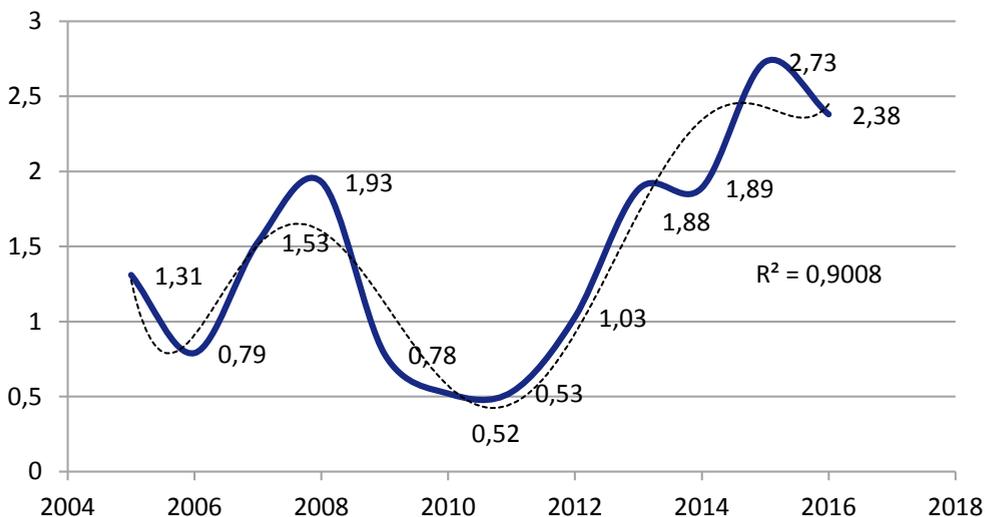

Рис. 5.3. Процент официальной добычи гималайских медведей от численности в Хабаровском крае

Общеизвестно, что размеры официальной добычи животных не равны фактическому их изъятию. Попытка выявления размеров нелегального отстрела, сделанная в 2000–2005 гг. в наиболее «медвежьих» районах и в годы наибольшего расцвета браконьерства (Дунишенко, 2005), показала следующие результаты (табл. 5.3).

Таблица 5.3

Размеры нелегального отстрела гималайского медведя на участках сбора информации в Бикинском, Вяземском, им. Лазо и Комсомольском муниципальных районах Хабаровского края

Годы сбора информации	Площадь участков сбора данных, тыс. га	Добыто медведей, голов			Средняя плотность, голов на 100 тыс. га	Добыча от численности, %
		всего за 5 лет	в среднем в год	на 100 тыс. га		
2000-2005	761,5	93	18,6	2,44	40,8	6,0
2010-2016	653,4	107	21,4	3,27	57,1	5,72

Анализ сведений по Хабаровскому району левобережья Амура, отличающемуся по условиям обитания животного, если судить по добыче известных нам за 5 лет 16 медведей на площади 77 тыс. га, практически аналогичен таковому для остальной части ареала и составляет 4,15 особи со 100 тыс. га, или 7,8% численности. Размеры официального и неофициального отстрелов в этом случае суммированы.

Добыча гималайского медведя в Нанайском районе, где практически половина угодий, населенных видом, включена в национальный парк «Ануйский», что не могло не сказаться на популяции, также рассмотрена нами отдельно. Здесь интерес представляет факт подавляющего преобладания в добыче взрослых самцов. Так, судя по достоверно известным за 16 лет отстрелам 109 особей, самцов было 79,8%, взрослых самок – 11%, медвежат – 5,5%, пестунов – 3,7%. Размеры изъятия и на этой территории не велики и в сумме с нелегальным изъятием составляют 8,3%.

Из приведенной информации можно сделать следующие выводы.

Размеры нелегального изъятия медведей в Приамурье в сравнении с началом нового века фактически не изменились и находятся в пределах 6% численности.

Официальное изъятие животных в среднем практически не превышает 2% от минимальной численности, что в сумме с размерами несанкционированного изъятия не превышает 8% и укладывается в рамки рационального использования ресурсов популяции.

Учитывая то, что с 2005 г. ажиотаж вокруг дериватов постепенно затихал, можно предполагать, что и это способствовало росту численности до 2015 г.

К сказанному остается добавить, что процент добычи по территории не одинаков, и больше всего зверей изымается в районах с развитым пчеловодством. Вынужденный отстрел животных пасечниками превышает 50% от числа всех несанкцио-

нированных отстрелов. Тем не менее, локальные превышения размеров добычи, имеющие место в местах сосредоточения пазек, фатального для популяции значения не имеют, так как в целом изъятие животных человеком значительно ниже ее воспроизводственных способностей.

Из других лимитирующих численность гималайского медведя факторов наиболее ощутимым для популяции является урон, обусловленный сочетанием неурожая основных видов нажировочных кормов. Вероятно, сказывается и хищничество бурого медведя и тигра. Во всяком случае, находки мест гибели животного в последние два года явно участились, что вполне объясняется максимальной плотностью населения хищников и угнетенным состоянием популяции кабана. Опрошенными охотниками и специалистами в снежный период этих лет были обнаружены следы гибели трех гималайских медведей от тигров, четырех – от бурого медведя и один случай, когда самец гималайского медведя убил в дупле, вытащил и съел молодую самку (информация А.С. Баталова). Если судить по аналогии с бурым медведем, не исключен и каннибализм крупных самцов, поедающих в голодные годы медвежат.

6 | Анализ сведений о берлогах гималайского медведя

В прессе и в научной литературе из года в год повторяется тезис о дефиците мест комфортной зимовки гималайского медведя вследствие вырубания лесов и порчи дупел охотниками. По этому поводу неоднократно, полагаясь на результаты разовых сборов и на интуицию, высказывались и мы. Однако следует признать, что доказательных данных, обоснованных результатами мониторинга, которые могли бы быть предъявлены лесорубам, и не только в качестве укора, а и для расчетов конкретного ущерба, до сих пор нет. В этой связи считаем возможным привести доступную нам информацию (табл. 6.1, рис. 6.1).

Таблица 6.1

Сведения о типах мест зимовок гималайского медведя, %

Места зимовки	Приморский край*	Хабаровский край**	
		2000–2005 гг.	2010–2017 гг.
Дупла	62,5	69,7	66,2
Прикорневые пустоты	13,8	23,45	24,4
Каменные ниши	12,6	3,08	1,0
Другие места на земле	3,8	1,2	-
Встречено: «сидунов»	4,0	2,5	5,7
Встречено: «шатунов»	3,3	0	2,7
Величина выборки	570	162	476

* А.С. Баталов, 1977; В.К. Абрамов и др., 1973–1977 гг. ** Ю.М. Дунищенко.

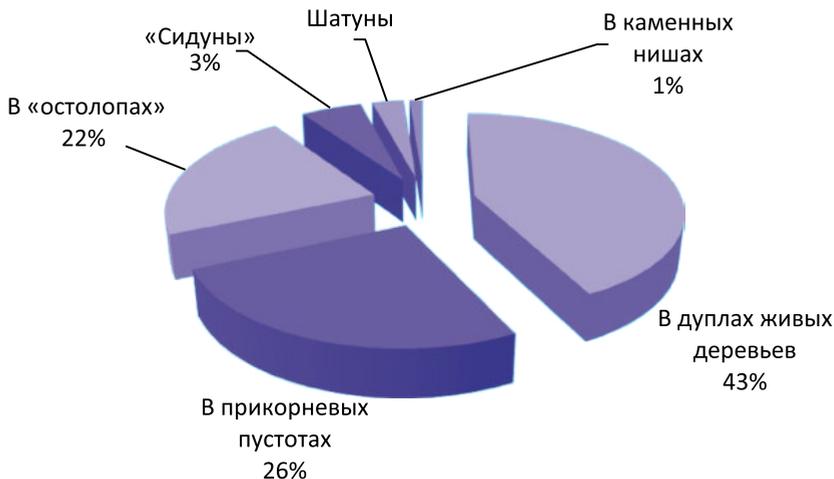

Рис. 6.1. Места зимовки гималайского медведя (%)

Приведенная в табл. 6.1 информация позволяет сделать следующие выводы.

В сравнении с первым пятилетием начала нового века в последние годы в Хабаровском крае в дуплах залегало на 5,3% медведей меньше. Разница имела место за счет увеличения доли зверей, залегавших в прикорневых пустотах, увеличения доли «шатунов» и «сидунов».

Сравнение сборов последних лет с данными 40-летней давности показывает, что и 40 лет назад более трети (39,2%) популяции медведей устраивалось на зимовку на земле. В последнее десятилетие эта величина даже на 6,5% меньше (32,7%).

Информация по залеганию медведя в дупла, относящаяся к Приморью, собрана разными авторами, но в одно и то же время, что делает возможным ее обобщение. В итоге оказывается, что в 1973–1977 гг. в дуплах зимовало 62,5% медведей. И если сравнить эту величину с нашими сборами, то число животных, зимующих в фауных деревьях, практически не изменилось и через 40 лет.

«Шатуны» в популяции гималайского медведя случаются крайне редко, судя по нашим сборам – с интервалом в 40 лет, что в нашем случае совпадает с максимальной численностью.

Существенным уточнением мест зимовки гималайского медведя является и тот факт, что из зверей, предпочитающих дупла, только 66,1% (176 из 266) зимует в дуплах «живых» деревьев. Остальные (более трети животных) с не меньшим комфортом устраиваются в высоких пнях («остолопах» или «трубах», как их называют охотники). Впрочем, процентное соотношение берлог в пнях и деревьях сильно варьирует в зависимости от места сбора информации, что вполне объяснимо разницей в сохран-

ности перестойных лесов. Так, на левобережье Амура из 50 любителей дупел в живых деревьях зимует 72% зверей и только 28% – в «остолопах», которые для лесорубов ценности не представляют, поэтому их разрушение практически полностью находится на совести охотников. В то же время процесс образования пустот в таких пнях идет значительно быстрее, чем в целых деревьях, что, видимо, и объясняет отсутствие дефицита зимнего жилья для животных.

Из наземных берлог наиболее часты встречи зверей, зимующих в прикорневых пустотах, чаще всего образуемых старыми липами. Иногда животные ложатся и в каменных нишах, но такие места зимовки более характерны для бурого медведя и встречаются лишь там, где есть скальные образования. Случаи добычи гималайского медведя бурым медведем или тигром из берлог наземных типов редки, поэтому можно предпологать, что их надежность недооценивается.

Иными словами, собранная информация дефицита мест зимовки не подтверждает. Более того, анализ наблюдений А.Е. Самарина и В.В. Атрошенко, ранее занимавшихся организацией туристических охот и ежегодно отслеживающих места залегания десятков животных, показывает, что количество зимующих «на земле» медведей зависит не от наличия или нехватки дуплистых деревьев, а от степени подготовки зверей к зиме. И чем больше урожай нажировочных кормов, тем больше «сидунов». При этом есть наблюдения, когда гималайские медведи благополучно перезимовывают в «гнезде», устроенном в густом ельнике, неподалеку от дупел, в которых проводили предыдущую зиму, и буквально в 200 м от тигриных троп, проложенных по нарговикам снегохода. А если судить по сообщению В.П. Сысоева о том, что два из 12 добытых им при учете медведей были «сидунами» (16,7%), так зимовали медведи и в 1958 году, когда о дефиците мест зимовки не могло быть и речи.

Таким образом, зимовка отдельных особей в «гнездах», устраиваемых на земле, вполне нормальное явление, расширяющее адаптивные способности вида. Здесь мы полностью разделяем мнение В.Г. Юдина (1993). К аналогичному заключению пришел и В.В. Арамилев (1990), проводивший исследования на восточных макросклонах Сихотэ-Алиня. В результате было выявлено, что там, где плотность населения гималайского медведя достигает 2,0 особей на 10 км², 59% животных зимует в прикорневых пустотах и скалах и только 41% в дуплах. При этом из 4-5 пригодных и использовавшихся в различные годы гималайским медведем для зимовки берлог, только одна бывает занята им (Арамилев, 1990). Созвучны и другие данные (Костыря, 2006), в которых указывается, что берлог вне деревьев обычно обнаруживается порядка 39%. При этом одни и те же особи используют в разные годы различные их типы.

Отсутствие дефицита берлог подтверждают и данные учета. Их плотность, если судить только по обнаруженным, периодически занимаемым медведями – от 3,2 до 11,8 шт. на 1000 га. При этом удельный вес занятых дупел деревьев (от числа об-

следованных) по годам колеблется от 10 до 22% (табл. 6.2). Однако следует признать, что обстановка с местами зимовки медведей не всюду одинакова. Так, по сведению охотоведа А.С. Баталова, в хозяйстве «Дурминское» из обследованных при учете зимой 2016/17 г. 36 дупел, пригодных для медведей, занятыми оказались только 5, два медведя из которых были зимой убиты – в одном случае гималайским медведем, в другом – тигром.

Приведенный ряд данных в принципе можно рассматривать и как результаты мониторинга, которые дают основания предполагать, что количество в угодьях дуплистых деревьев, пригодных для комфортной зимовки, достаточно и численность зверя лимитировать не может.

Таблица 6.2

Количество занятых медведями дупел от числа обследованных в верховьях р. Матай и в бассейне р. Медза

Период сбора информации (зима)	Число проведенных дупел, шт.	Из них занятых		Число берлог на 1 медведя
		шт.	%	
2014/15	38	4	10,5	9,5
2015/16	65	10	15,4	6,5
2016/17	25	4	16,0	6,25
2016/17	57	13	22,8	4,4
В среднем	185	31	16,8	6,0

7 | Оценка состояния популяции гималайского медведя по итогам учета и сбора информации

Наиболее авторитетные знатоки гималайского медведя Приморья утверждают, что по имеющейся информации оценить состояние его популяции на территории края невозможно (Середкин, Пикунов, 2002, 2006). Есть сложности для такой оценки и на территории Хабаровского края, основная из которых – оценка изменений площади распространения и плотности населения различных типов мест обитания зверя, что обусловлено крайне несовершенной типологией «элементов среды обитания». Тем не менее, по нашим наблюдениям, заметного «суживания» ареала в результате трансформации кедрово-широколиственных лесов не происходит, так как их внешний облик по причине выборочных рубок изменяется незначительно. Тем более что и деструктивные изменения среды обитания в последние годы, по причине сокращения числа лесорубов, снизились. Но необ-

ратимые изменения видовой емкости угодий не в лучшую сторону все-таки продолжают, и гималайского медведя спасает то, что он – ярко выраженный эврифаг с широким набором потребляемых кормов, периодические хорошие урожаи которых позволяют реализовывать весь потенциал репродукции вида. Поэтому, если судить по количеству «гнезд» на черемухе Маака, дубах и кедрах, обследованию дупел и встречаемости других следов жизнедеятельности, в последнее десятилетие не происходило и видимого снижения численности зверя, прогнозируемого нами ранее (Оценка... , 2005) . Более того, если судить по данным, собранным по сопоставимой методике, плотность населения животного к 2015 г., в сравнении с 2005 г. (43,8 против 76,8 голов на 100 тыс. га), увеличилась на 75,3%. Произшедший за 10 лет рост размеров популяции подтверждается и стабильно участвовавшими в этот период визуальными наблюдениями зверей. Показательны и результаты анализа данных «фотоловушек». С большой долей вероятности можно предполагать, что увеличение подвижности животных в поисках кормов означает, что поголовье превысило видовую емкость мест обитания. И если это так, то отсутствие урожая на жировочных кормов в 2015–2016 гг. только стимулировало массовые перемещения животных.

Следует заметить, что при таких перемещениях популяция несет значительные потери. Но гибель животных летом и осенью 2015 г. была, видимо, самой большой за все время наблюдений. При этом среди погибших подавляющее большинство составлял молодняк до 2,5 лет с хорошо выраженными признаками кожных заболеваний. Так, в октябре 2016 г. на приусадебном участке с. Троицкое был отстрелен самец в возрасте 1,5 года с обширным облысением и признаками дистрофии. В январе 2017 г. в национальном парке «Ануйский» зверь возраста до 2,5 лет в аналогичном состоянии был отстрелен на крыше зимовья. В этом же месяце на территории парка был изъят дистрофичный полуторалетний самец с обширным облысением. В смежных с парком угодьях, также в январе, были обнаружены мертвыми два зверя возрастом до 2,5 лет с теми же признаками. Один из них замерз на веранде зимовья, второй – под корнями дерева. А в феврале 2017 г. в результате самообороны была отстрелена дистрофичная облысевшая самка, также в возрасте 2,5 г. Кроме признаков демодекоза у нее обнаружен обширный подкожный дирофиляриоз. Известен ряд аналогичных случаев и в районе им. Лазо, причем заболеваний бурого медведя ни в добыче, ни «фотоловушками» зарегистрировано не было, что также может быть признаком максимально высокой плотности населения гималайского медведя.

И тем не менее, ущерб, нанесенный повышенным отходом животных, по нашему мнению, не является для популяции катастрофичным. Произошел жесткий естественный отбор, при котором погибли животные с ослабленным иммунитетом и не сумевшие приспособиться к изменению условий существования. Наиболее качественное ядро популяции, если судить по результатам весенних сборов при по-

мощи «фотоловушек», способное эффективно восстановить потери, сохранилось. Поэтому можно предположить, что негативные явления, обусловленные неурожаем нажировочных кормов, явно переоцениваются. Во всяком случае, В.С. Пажетнов, посвятивший свою жизнь изучению бурого медведя, указывает, что этот зверь и при отсутствии нажировочных кормов накапливает достаточные для благополучной зимовки жировые запасы, поедая травянистую растительность (Пажетнов, 1990). В этой связи можно предположить, что и гималайский медведь, будучи еще более растительноядным животным, исключение не составляет.

Вероятно, увеличивается в годы неурожая кормов и хищничество гималайского медведя. Так, с 2014 по 2016 г. опрошенными охотниками и специалистами было обнаружено 7 «давленок» изюбров, из которых два – в период «рева», три – у солонцов и два – в апреле, сразу после выхода из берлог. В эти же годы зафиксированы случаи добычи гималайским медведем пяти поросят и подсвинков, трех молодых косуль и двух барсуков. Все это говорит о том, что и без урожая семян кедра и желудя подавляющая часть медведей находит себе пищу для подготовки к благополучной зимовке. Подтверждением такого предположения могут служить данные анализа снимков «фотоловушек» и следов на территории охотничьего хозяйства «Амтур», сделанные в апреле 2017 г., после выхода животных из берлог. Оценка их упитанности при этом производилась по оригинальной методике, разработанной охотоведом А. Е. Самариным, по пятибалльной шкале (табл. 7.1, 7.2).

Таблица 7.1

Балльная оценка упитанности медведей

Баллы	Упитанность	Характеристика признаков	
		на фото	по следам на маршруте
1	Очень плохая: полное отсутствие жировых накоплений	Потеря мышечной массы (дистрофия): видны кожные складки, контуры фигуры угловатые, волосяной покров свалявшийся	Следы значительно заходят за осевую линию, становятся похожи на следовую строчку тигра
2	Плохая: полное отсутствие жировых накоплений	Контуры фигуры угловатые, волосяной покров свалявшийся	То же
3	Средняя: жировые накопления незначительны	Волосяной покров местами свалявшийся, проступают остевые отростки позвоночника	Следы заходят за осевую линию до 5 см
4	Хорошая: жировые накопления около 2 см	Состояние волосяного покрова нормальное	Внутренние контуры следов не пересекают осевую линию движения или отстоят от нее
5	Очень хорошая: жировые накопления близки к максимальным	Волосяной покров густой, блестящий, ровный	То же

Таблица 7.2

Результаты оценки упитанности гималайских медведей
на маршрутах и фотографиях

№	Анализ фотографий		Сборы на маршруте		
	Характеристика зверя	Упитанность, баллы	№	Характеристика зверя, длина сдвоенного шага, см	Упитанность, баллы
1	Самец крупный, с признаками облысения	3	1	Крупный (117)	4–5
2	Самец крупный	5	2	Крупный (110)	5
3	Самец крупный	5	3	Крупный (118)	5
4	Самец крупный	5	4	Крупный (125)	5
5	Самец очень крупный	5	5	Крупный (110)	5
6	Самка крупная	5	6	Крупный (112)	4–5
7	Самец средний	4			
8	Самка 2,5 года	1			
9	Пол не определен	5			
10	Пол не определен	5			
11	Самец крупный	5			
12	Пол не определен	4			
13	Самец крупный	5			
14	Самец средний	4			
15	Самец средний	5			
16	Самец крупный	5			

Из данных табл. 7.2 видно, что из 22 гималайских медведей, обнаруженных на маршрутах и сфотографированных автоматическими камерами на подкормочных площадках, только один перезимовавший медведь, в возрасте 2,5 лет, имел критически плохую упитанность. На нем же были хорошо выражены признаки кожного заболевания. Остальные животные, в том числе взрослый самец, имевший обширные плешины, были упитаны вполне нормально. Настораживает лишь тот факт, что из 22 наблюдавшихся животных два (9,1%) оказались больны. Опасность кожных заболеваний состоит в том, что маркировочные деревья, о которые трутся медведи, оставляя свой запах, используются тигром и бурым медведем (Арамилев, Солкин, 1993), и это не исключает передачу возбудителей другим видам. Поэтому необходимы дальнейшие наблюдения и эксперименты по лечению животных в природе. Одно из направлений в этом аспекте – устрой-

ство «ванн», вырытых в глинистой почве и залитых отработанными автомобильными маслами, к которым зверь равнодушен. О таком опыте сообщил, по сведениям охотоведа А.Е. Самарина, принимавшего туристов, охотник из Македонии. В этой связи упомянутый способ требует экспериментальной проверки.

Голодные годы, в которые медведи досаждали людям, неоднократно случались на Дальнем Востоке и раньше, но столь массовых выходов к населенным пунктам в обозримой ретроспективе не происходило. Кроме того что популяция животного достигла «пика» численности, дополнительной причиной, по нашему мнению, стало небывалое наводнение 2013 г., затопившее всю пойму Амура. Здесь, в дубовых релках и на голубичных марях, испокон веку жировал бурый медведь. Спустился с гор он и в 2015 г., но кормов не обнаружил, так как растения еще не восстановились после наводнения и не плодоносили. В результате часть зверей, если судить по резкому увеличению наблюдений животных, переплывающих реки, в поисках кормов сместилась к югу, в кедрово-широколиственные леса, где достаточного объема кормов также не оказалось. Но резко возросла пищевая конкуренция с гималайским сородичем, молодняк которого, чтобы не стать добычей более сильного соперника, стал откочевывать в предгорья. Создалась вынужденная миграционная волна, звери активно перемещались, в том числе на территорию КНР и обратно, создавая для жителей приграничных районов РФ видимость «нашествия из Китая», а для граждан КНР, если судить по активному обсуждению происшествий в социальных сетях, – наоборот, «нашествия из России».

При этом зоозащитниками в качестве аргумента использовались фиксируемые пограничниками переходы через КСП и визуальные наблюдения переплывавших Усури животных. Утверждалось, что вынужденное изъятие гималайских медведей, досаждавших населению на российской стороне, создает предпосылки «уничтожения единственного жизнеспособного очага этого вида на северо-востоке КНР».

Однако мы с большим сомнением относимся к этой информации. Во-первых, потому, что каждый медведь мог многократно пересекать КСП и переплывать реку, а во-вторых – идентифицировать летом видовую принадлежность по следам и даже при наблюдении в бинокль, тем более плывущих зверей или в сумерки, не так просто. Нередко ошибаются и подготовленные люди. Следует иметь в виду и то, что для пограничников выявление вида медведя, бурый он или гималайский, – не основная задача. Им важно отличить человека от зверя, нарушившего границу. К тому же интенсивные перемещения медведей обоих видов отмечены на всем протяжении границы с КНР, и звери, переплывающие из России, не найдя в Китае приемлемых условий существования, неизбежно возвращались обратно.

Так это или иначе, но положительный эффект от роста в популяции гима-

лайского медведя удельного веса молодых животных, наплодившихся на фазе увеличения численности, был, вероятно, нивелирован естественной гибелью и отстрелами. Много погибло и взрослых животных, активно посещавших пасаки. А далее – шум, поднятый СМИ, подогретый некоторыми учеными и подхваченный представителями «зеленого» движения, который закончился объявлением зверя «кандидатом» в Красную книгу. В результате под давлением общественности, а не в итоге анализа объективной информации дальнейшая судьба зверя вновь решалась так же, как и полвека назад. Фактически же, несмотря на значительный (преимущественно естественный) урон, критических негативных явлений в популяции не прослеживается.

Кроме того, ареал вида имеет большую протяженность и с севера на юг, и с востока на запад, что обуславливает особенности обитания. Природно-климатические условия в периферийной части ареала значительно отличаются от условий обитания в его центре. Так, на левобережье Амура несколько иная цикличность урожаяев нажировочных кормов, что не может не влиять и на цикличность изменений, происходящих в популяции. К примеру, если в отрогах Сихотэ-Алиня 2015–2016 гг. были для гималайского медведя голодные, то здесь осень этих лет кормами изобиловала (плодоношение кедра 2014 г. – 5 баллов, 2015 г. – 4 балла, 2016 г. – 3,5 балла). А в 2012–2014 гг. отмечалось обильное плодоношение дуба, маньчжурского ореха, лещины. Кроме того, стабильность кормов дополняло высокое заполнение нерестилищ осенней кеты, а отход животных здесь меньше зависит от хищничества тигра. Сыграло свою положительную роль и отсутствие спроса на продукцию промысла, сокращение сроков охоты, а также резкое снижение числа отстреливаемых животных из-за сокращения числа пасек. Перечисленным и объясняется то, что состояние группировки местными специалистами и промысловиками оценивается как «хорошее». Большая часть левобережного очага располагается в угодьях Хабаровского муниципального района, где и проведены учеты. На остальной части левобережья в пределах Хабаровского края гималайский медведь распространен спорадически, и достаточной информации для определения статуса зверя на этой территории нет.

Свои особенности, определяющие состояние популяции гималайского медведя, и в северной части его ареала. Так, в бассейне р. Анюй начал функционировать национальный парк, здесь же расположены обширные нерестилища проходного лосося, где медведи при необходимости всегда находят пищу. К тому же в 2014 г. был обильный урожай желудя, а в 2015 г. до высоты 200 м над ур.м. на хр. Гион отмечался урожай семян кедров не менее 3 баллов. И если в бассейне р. Хор нажировочных кормов в 2016 г. не было повсеместно,

то в Нанайском районе, в бассейнах Мади, Хогони, Бурги, Картанги отмечен хороший урожай желудя, обусловивший необычно высокую концентрацию медведей обоих видов. Кроме того, на большей части района наблюдался обильный урожай рябины и лимонника и хороший – шиповника. Все эти виды кормов для гималайского медведя, вероятно, следует относить к нажировочным. Во всяком случае, для бурого медведя плоды рябины к таковым относятся (Пажетнов, 1990), а на большей части территории северных районов ягоды вообще являются преобладающим источником пищи в период жировки.

Таким образом, разнообразие условий обитания, обусловленное особенностями климатических явлений в разных частях обширного ареала гималайского медведя, определяет и различное состояние его популяции. Кроме того, можно предполагать, что эта разница наверняка обуславливает и миграционную подвижность вида, а в итоге – снижение или повышение численности медведей на локальных территориях. Но этот вопрос требует «инструментального» изучения, основанного на радиотрекинге меченых животных.

Значительный рост численности тигра и снижение поголовья копытных обусловили и учащение случаев результативных нападений на гималайского медведя, однако при этом гибнет преимущественно молодняк, а само хищничество не является массовым. Поэтому тигр вряд ли оказывает заметное влияние на численность животного. Таким образом, в целом популяция гималайского медведя в настоящее время находится в удовлетворительном состоянии, на фазе очередного естественного снижения численности.

8 | Сведения об охране гималайского медведя

В Хабаровском крае в настоящее время гималайский медведь охраняется в 22 ООПТ разного ранга и статуса (табл. 8.1, рис. 8.1).

Таблица 8.1

Сведения об ООПТ в местах обитания гималайского медведя

Муниципальный район	Название ООПТ	Статус	Площадь, тыс. га	Оценка	
				присутствия	обилия
Бикинский	Бирский	Заказник			
	Стрельникова	Экологический коридор	8,1	-«-	-«-
Вяземский	Вяземский	Природный парк	33	-«-	-«-
	Аистиный	Заказник	19,3	Летом	Мало
Им. Лазо	Бобровый	То же	83,7	-«-	-«-
	Матайский	-«-	114,4	Постоянно	Много
	Чукенский	-«-	219,7	-«-	-«-
	Матайский	Экологический коридор	23,8	-«-	-«-
	Хор-Мухенский	То же	18,1	-«-	-«-
	Хорский	-«-	61,4	-«-	-«-
	Сихотэ-Алинь	Памятник природы	5,2	-«-	-«-
Нанайский	Маноминский	Экологический коридор	34,3	-«-	-«-
	Тигровый дом	Памятник природы	2,28	-«-	-«-
Комсомольский	Хосо	Природный парк	123,1	Постоянно	Средне
	Горинский	Заказник	59,8	Заходы	Редок
	Гурский	-«-	150,5	-«-	-«-
Хабаровский	Арсеньевский	-«-	213,8	Постоянно	Средне
Краевые ООПТ			1223,78		
Нанайский	Ануйский	Национальный парк	429,37	-«-	Много
Хабаровский	Хехцир	Заказник	56	-«-	Мало
	Большехехцирский	Заповедник	45,44	-«-	Много
		Охранная зона	10,7	Летом	Мало
Комсомольский	Комсомольский	Заповедник	64,4	Заходы	Редок
		Охранная зона	9,83	-«-	-«-
Ванинский	Тумнинский	Заказник	143,1	-«-	-«-
Федеральные ООПТ			758,84		
Всего			1982,62		

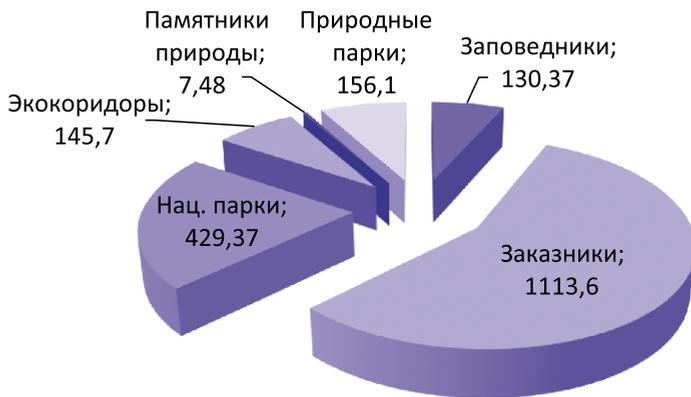

Рис. 8.1. Структура ООПТ в местах обитания гималайского медведя, тыс. га

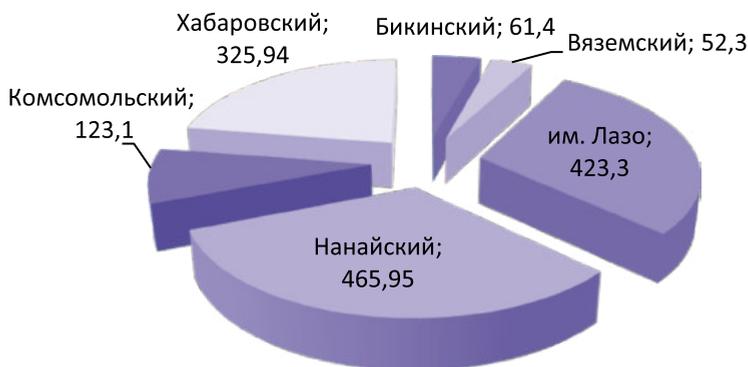

Рис. 8.2. Распределение ООПТ по муниципальным районам, тыс. га

Общая площадь охраняемых территорий, в которых гималайский медведь входит в перечень обитающих животных, составляет 1982,62 тыс. га. При этом 1452 тыс. га расположены в местах его круглогодичного и постоянного обитания. Однако соотношение площадей ООПТ к численности животных рациональным не представляется. Так, в Бикинском и Хабаровском районах, расположенных фактически на периферийной части современного распространения вида в Хабаровском крае, на одного гималайского медведя в среднем приходится 865 га и 1203 га ООПТ, а в районе им. Лазо, где сосредоточена основная часть популяции – вдвое меньше. В Вяземском районе, когда-то располагавшем элитными местами обитания медведя, эта величина еще меньше (432 га). В то же время в Нанайском районе, где увеличение площади ООПТ обеспечило быстрый рост численности вида, на одного медведя приходится 604 га площади ООПТ. Удельный вес особо охраняемых территорий разного ранга в местах обитания гималайского медведя в Хабаровском крае выглядит следующим образом (рис. 8.3).

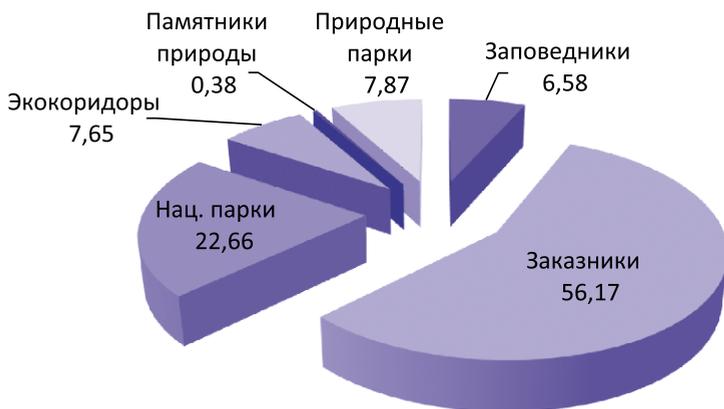

Рис. 8.3. Удельный вес ООПТ разного ранга в местах обитания гималайского медведя в Хабаровском крае

Если же судить по площади ООПТ, то из данных, приведенных на рис. 8.2, видно, что большая их часть расположена в Нанайском и им. Лазо муниципальных районах (табл. 8.2).

Таблица 8.2

Удельный вес ООПТ в соотношении с площадью охотничьих угодий в районах обитания гималайского медведя

Муниципальные районы	Площади охотугодий в районах, тыс. га	Площадь ООПТ, тыс. га	% ООПТ от площади охотугодий района	Средняя численность медведей, голов	Площадь ООПТ на 1 медведя, га
Бикинский	179,2	61,4	34,3	71	865
Вяземский	399,8	52,3	13,1	121	432
Итого	579	113,7	19,6	192	592,2
Им. Лазо	2781,6	423,3	15,2	935	453
Нанайский	2287,7	465,95	20,4	772	604
Итого	5069,3	889,25	17,5	1707	520,9
Комсомольский	2403,3	123,1	5,1	300	410
Хабаровский	2752	325,9	1,8	271	1203
Итого	5155,3	449	8,71	571	786
Всего	10803,6	1451,95	13,4	2472	587,4

При пересчете этих показателей по зонам обитания гималайского медведя оказывается, что на юге края (Бикинский и Вяземский муниципальные районы) на одного медведя приходится 592 га, в центральной части (им. Лазо и Нанайский районы) – 521 га, на периферийной части ареала – 786 га. В среднем же на одного медведя в крае приходится 587 га охраняемых территорий. Следовательно, при средней плотности населения 0,74 особи на 1000 га угодий на этой площади может обитать 0,43 особи. В сравнении этих показателей «коэффициент защищенности вида» ($0,43 \times 100\% : 0,74$) составляет в среднем 58,1%, что представляется вполне достаточным. И даже тот факт, что на периферийной части ареала этот показатель существенно выше, следует рассматривать как стимул к поддержанию высокой численности в более суровых условиях обитания. Возможно, что именно это одна из причин отмеченного всеми наблюдателями роста численности зверя в Нанайском районе, где функционирует национальный парк «Ануйский». Аналогичная ситуация и в Комсомольском районе, где учрежден природный парк «Хосо», занимающий лучшие станции обитания гималайского медведя в бассейне Гура.

Естественно, что эффективность охраны гималайского медведя на ООПТ можно ставить под сомнение, как и уровень браконьерства за их пределами. Однако жизнь показывает, что в хорошо защищенных угодьях, и не только на примере Ануйского национального парка, численность вида быстро достигает предела кормовой емкости угодий, и звери начинают широко расселяться на смежные территории. К примеру, обилие заломов на дубах, черемухах Маака, кедрах, вдоль автотрасс Лидога–Ванино и Хабаровск–Комсомольск за последние годы увеличилось кратно. Аналогичная картина наблюдается в бассейне р. Сукпай, где границы распространения медведя сдвинулись за пределы кедрово-широколиственных и кедрово-еловых лесов. В связи с этим нам не кажется доказательным утверждение некоторых исследователей (Колчин и др., 2016) о том, что ООПТ не способствуют «сохранению генетического разнообразия вида». Современная сеть заказников, заповедников и др., в ключевых местах соединенная экологическими коридорами, полностью обеспечивает коммуникации животных. Способствуют этому и обширные территории, недоступные для круглогодичного посещения людьми, образовавшиеся в результате разрушения лесных дорог, восстановлением которых заниматься некому. Таким образом, общая площадь ООПТ, расположенных в границах ареала гималайского медведя, где он отмечен в перечне обитающих видов, с учетом охраняемых территорий, расположенных на левобережье Амура (табл. 8.3, 8.4), составляет по Приамурью 2109,18 тыс. га.

Таблица 8.3

Сведения о численности гималайского медведя в ООПТ ЕАО

Муниципальный район	Название ООПТ	Статус	Площадь, тыс. га	Оценка		Численность, голов
				присутствия	обилия	
Облученский, Октябрьский	Дичун	Областной заказник	48807	Постоянно	Много	26
Биробиджанский	Ульдуры	Областной заказник	26841	Заходы	Редко	2–3
Биробиджанский, Облученский	Шухи-Поктой	Областной заказник	66457	Постоянно	Редко	8–10
Октябрьский	Журавлиный	Областной заказник	67278	Постоянно	Много	25–30
Биробиджанский, Ленинский	Чурки	Областной заказник	83209	Заходы	Редко	3–4
Биробиджанский	Бастак	Заповедник	91771	Постоянно	Редко	4–5
Итого			384,3			68–78

Таблица 8.4

Сведения о численности гималайского медведя в ООПТ Амурской области

Муниципальный район	Название ООПТ	Статус	Площадь, га	Оценка	
				присутствия	обилия
Архаринский	Хинганский	Заповедник	97,07	Постоянно	редок
	Хингано-Архаринский	Федеральный заказник	48,80	Заходы	Редок
	Андреевский	Областной заказник	75,75	-«-	-«-
Бурейский	Желундинский	То же	51,3	-«-	-«-
Итого			272,93		

9 | Выводы и рекомендации по охране и использованию популяции гималайского медведя

9.1 | Выводы для обсуждения

Несмотря на то что гималайский медведь является важным и многочисленным представителем териофауны Дальнего Востока РФ и не менее значимым видом для охотничьего хозяйства, изучен он крайне недостаточно. Наиболее противоречивы данные о его распространении и распределении по типам мест обитания, динамике численности, структуре популяции и другие важные для рациональной охраны и использования вопросы.

Судя по информации, имеющейся в литературных и ведомственных источниках, на территории Российского Дальнего Востока зверь до настоящего времени населяет практически все пригодные для его обитания уголья. Утверждения о сокращении границ распространения соответствующими исследованиями не конкретизированы и цифрового подтверждения не имеют. Методические основы для выявления площади населенных видом уголдий отсутствуют, что нередко приводит к значительным ошибкам при выявлении арены экстраполяции учетных данных. Кроме того, отсутствие сборов на принципах мониторинга исключает возможность объективной оценки происходящих изменений. Поэтому и заявления о сокращении площади уголдий, заселенных видом, не аргументированы и остаются на уровне предположений (Кучеренко, 1974; Юдин, 1993; Дунишенко и др., 2016).

Сокращение площади ареала не подтверждается, признаки его фрагментации не прослеживаются. Имеющиеся условно-раздельные места обитания не являются следствием современных негативных изменений, так как существуют многие десятки лет. Трансформация среды обитания под воздействием деятельности человека имеет место, но ее влияние растянуто на десятилетия и не может быть нивелировано только охраной вида.

Сведения о биотопическом распределении гималайского медведя с указанием плотности населения зверя по типам мест обитания в ретроспективе крайне скудны, что исключает сравнительный анализ динамики продуктивности уго-

дий. В связи с этим обсуждаемая в научных кругах и социальных сетях информация о катастрофическом снижении кормовой емкости угодий вследствие вырубания дуба и кедра конкретного, цифрового подтверждения также не имеет. По имеющимся в литературе данным получить объективную оценку трансформации мест обитания гималайского медведя невозможно.

Несмотря на противоречивость информации о численности гималайского медведя, по опубликованным и имеющимся в архивах ведомств данным прослеживается следующая динамика: неуклонное снижение численности с 1970-х годов до 1983 г. Затем 23-летняя стабилизация с плохо выраженной тенденцией к росту. И далее – фаза роста численности, которая за 10 лет достигла уровня 40–45-летней давности.

Информация о массовом перемещении гималайских медведей из КНР не выдерживает критики, потому что на хребте Ваньдашань зверь встречается единично. Кроме того, и бурый медведь перемещался не менее интенсивно, и ошибки при определении видовой принадлежности животных пограничниками неизбежны.

Численность гималайского медведя на весну 2017 г. разными методами определена в 3,0–3,5 тыс. особей, что на 200 голов меньше официальных данных и на 300 больше, чем было весной 2016 г. В связи с этим предполагается, что в два предыдущих года размеры популяции были определены с занижением. Основанием для такого предположения являются размеры изъятия и отхода, а также негативные изменения структуры популяции, которые должны были привести к снижению численности не менее чем на 20%.

Средний многолетний размер выводка гималайского медведя составляет 1,64 особи. Но при этом прослеживается цикличность, которая находится в зависимости от урожаев наживочных кормов. Репродуктивный потенциал популяции наиболее полно реализуется после хороших урожаев семян кедра, после которых увеличивается размер выводков и удельный вес самок среди сеголетков, что позволяет в короткий срок компенсировать потери, понесенные при неблагоприятных условиях. В целом же, несмотря на спады и подъемы, вектор увеличения числа самок все эти годы был положительным, в то время как общий объем наживочных кормов имел тенденцию к снижению. Сборам сведений по отстрелам гималайского медведя в берлогах не подтверждается и «большое преобладание самцов», что используется как аргумент при оценке репродуктивной способности популяции. И по нашей оценке, и по оценке В.Г. Юдина (1993), доля взрослых самцов в популяции колеблется от 13,3 до 16,7%, что вдвое меньше, чем удельный вес фертильных самок.

Периодичность изменений указанных параметров обуславливает и общую цикличность изменений численности, которая состоит из малых колебаний, определяемых кормовыми условиями, и больших, длительностью, предположительно, в 40 лет. Судя по динамике происходящих явлений, есть основания предполагать,

что в 2015–2016 гг. закончился период многолетнего роста, и с этого времени начинается этап очередного ее снижения, который может затянуться на ряд лет. В связи с этим необходим мониторинг, основанный на стационарных наблюдениях за численностью на модельных площадках.

Произошедший отход животных закономерен, и его следует расценивать как жесткий отбор, способствующий оздоровлению популяции, а не как трагедию, которая может быть положена в основу рекомендаций изменения статуса вида. Для ликвидации последствий достаточно снизить пресс охоты либо на 3–4 года запретить добычу при одновременном усилении охраны и проведении мероприятий по защите ключевых мест среды обитания от разрушения рубками.

Официальное изъятие гималайского медведя охотниками составляет 0,5–2,7% от весенней численности, поэтому сказаться на состоянии популяции не может, так как многократно перекрывается размерами годового прироста. Очевидно, переоцениваются и размеры браконьерского отстрела. По нашим данным, изъятие, в том числе несанкционированное, не превышает 8%, что укладывается в рамки рационального использования ресурсов популяции. При этом размеры нелегальной добычи медведей в Хабаровском крае в сравнении с началом XXI в. фактически не изменились, они не превышают 6%, причем половина этой величины приходится на отстрел пасечниками. Снижению добычи способствуют сокращение сроков охоты и значительное осложнение возможностей сбыта продукции.

Проблемы с дефицитом мест комфортной зимовки медведей не подтверждаются, в дупла залегают 66,2% медведей (n=476), что на 3,7% больше, чем в 1970-е годы. Сравнение сборов последних лет с данными 40-летней давности показывает, что и тогда более одной третьей (39,2%) популяции медведей устраивались на зимовку на земле. В последнее десятилетие эта величина даже на 6,5% меньше (32,7%). В среднем на одного медведя приходится 6 периодически используемых дупел (n=185). «Шатуны» в популяции гималайского медведя случаются крайне редко, судя по нашим сборам – с интервалом в один сезон из сорока. Что касается «сидунов», то такое поведение отдельных животных характерно для вида, и удельный вес зверей, зимующих в «гнездах» на земле, находится в прямой зависимости от урожая наживочных кормов, а не от дефицита берлог.

Состояние популяции в разных районах не равнозначно. Наиболее благополучно – в северной части ареала, а также на левобережье Амура. На части района им. Лазо отмечены негативные изменения, но в целом поголовье находится в удовлетворительном состоянии, в фазе очередного естественного

снижения, дополнительной причиной которого является распространение кожных заболеваний. Предполагается, что заболевания получили распространение не столько из-за плохих кормовых условий, сколько из-за стрессовой ситуации, обусловленной высокой плотностью населения животных.

Возможно, сказывается и усиление хищничества тигра, бурого медведя, каннибализм, обусловленные сокращением пищевых ресурсов и «пиковой» численностью хищников. В то же время наши сборы показывают, что основной причиной исторически неуклонного уменьшения размеров популяции является не изъятие животных охотниками и браконьерами, а трансформация среды обитания. В большей части – изменения состава лесов с кедром, из которого все больше выпадают кормообразующие породы деревьев (Дунишенко, 2016). Таким образом, основой благополучного существования популяции остается сохранение кормообразующих растений, преимущественно кедра и дуба, из которых в связи со значительным сокращением площади кедровников на первом месте стоит дуб. В то же время зрелые дубняки продолжают интенсивно вырубаться.

Системой ООПТ популяция гималайского медведя защищена достаточно. Только на территории Хабаровского края животные этого вида обитают на 22 ООПТ разного статуса общей площадью 1982,6 тыс. га, из которых на 1452 тыс. га медведь обитает круглогодично. Наибольшее значение при этом имеют заказники «Бирский», «Чукенский», «Матайский» и, особенно, Анюйский национальный парк. В целом на одного медведя приходится 620 га ООПТ. Кроме того, в связи с разрушением лесных дорог образуется все больше естественных резерватов, фактически недоступных для массовых посещений людьми, что также способствует сохранению популяции. В целом же по Приамурью особо охраняемые природные территории, в перечне обитающих животных которых присутствует гималайский медведь, составляют 2109,18 тыс. га.

Сохранение популяции гималайского медведя в связи с тем, что в смежных с Россией районах КНР этот зверь крайне малочислен, приобретает международное значение. Тем не менее, ажиотаж, поднятый вокруг его охраны путем внесения в списки краснокнижных животных, считаем необоснованным и преждевременным кроме перечисленных выше и по следующим причинам:

1. Внесение гималайского медведя в Красную книгу рубки леса не останавливает и браконьерство не исключает.

2. Изменение статуса вида приведет к гибели сотен медвежат-сирот, которые ныне доставляются в реабилитационные центры с последующим их возвращением в природу.

3. Исключение вида из сферы влияния охотничьего хозяйства автоматически исключает воспроизводственные мероприятия и инвентаризацию популяции на принципах мониторинга.

4. В связи с тем что современная численность ни у подавляющего большинства специалистов, ни у охотников тревоги не вызывает, запрет охоты неизбежно приведет к протестному браконьерству.

5. Внесение какого-либо вида в Красную книгу без достаточных на то оснований ведет к необоснованным экономическим потерям и выхолащивает значение самого документа.

В связи с вышесказанным считаем актуальной задачей исключение в ареале вида рубок дуба, кедра, маньчжурского ореха, что будет способствовать сохранению популяции не только медведя, но и амурского тигра.

9.2 | Предложения

В связи с тем что единица измерения плотности населения медведя нормативными документами не обозначена, в литературе и служебных отчетах можно встретить совершенно разные показатели – и 1000, и 10 000 и 100 000 га, либо эти величины в «километровом» выражении. При использовании научных материалов журналистами, зоозащитниками и просто интересующимися людьми, интерпретирующими публикации в социальных сетях и СМИ, это приводит к конфузам и путанице. Поэтому предлагается остановиться на употребляемой наиболее часто величине 100 тыс. га (1 тыс. км²), на которых редкие животные, как правило, исчисляются единицами и десятками.

Конкретизировать в соответствующих методических рекомендациях понятия «ареал», «свойственные уголья», «заселенные уголья» и утвердить порядок определения их площади с перечнем типов мест обитания.

Определиться с ареной экстраполяции учетных данных. Для учета по берлогам предлагается брать в границах распространения вида площади лесов, имеющих в составе кедр, пойменный комплекс крупных рек и широколиственные леса, включая дубняки горных склонов, для бесснежного периода года – все типы лесов, с корректировкой в зависимости от местных условий.

Наладить сбор информации по ключевым параметрам популяции на принципах мониторинга на модельных площадках, оснащенных камерами слежения.

Провести эксперименты учета медведей на модельных площадках в период выхода из берлог с применением квадрокоптеров.

Провести полную инвентаризацию популяции гималайского медведя на всем ареале в пределах Дальнего Востока РФ.

Провести эксперименты по лечению медведей от кожных заболеваний в природных условиях с применением препаратов и веществ, привлекающих медведей.

Учитывая фазу сокращения размеров популяции, лимит добычи сократить до 2% от численности, в случае дальнейшего распространения кожных заболеваний рассмотреть целесообразность изъятия больных особей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В.К., Пикун Д.Г., Базыльников В.И. Распространение и численность белогрудого медведя в Приморском крае // Редкие виды млекопитающих и их охрана: материалы 2-го Всесоюз. совещ. М.: Наука, 1977. С. 94–95.

2. Арамилев В.В. Современное состояние популяций гималайского медведя на восточных склонах южного Сихотэ-Алиня // Материалы V съезда Всесоюзного териологического общества. Москва, 1990. Т. 2. С 52–53.

3. Арамилев В.В., Солкин В. Мечение территории бурым и гималайским медведем в Сихотэ-Алине // Медведи России и прилегающих стран – состояние популяций. В 2 ч. Ч. 1. Материалы VI Совещания специалистов, изучающих медведей (Центрально-лесной заповедник, Тверская обл., 6–11 сент. 1993 г.): сб. тезисов. М., 1993. С. 5–10.

4. Баталов А.С. К охране и рациональному использованию белогрудого медведя // Редкие виды млекопитающих и их охрана: материалы 2-го Всесоюз. совещ. М.: Наука, 1977. С. 100.

5. Баталов А.С., Васенева А.Я., Дунищенко Ю.М. Ресурсы охотничьих животных в промысловых хозяйствах Приморского края в весенний период 1988 г.: отчет. Хабаровск, 1988. 128 с.

6. Бобринский Н.А., Кузнецов Б.А., Кузякин А.П. Определитель млекопитающих СССР / под ред. А.П. Кузякина. М.: Просвещение, 1965. 382 с.

7. Болтрушко В.М. Отчет по учету численности охотничьих животных в Троицком коопзверопромхозе. Хабаровск, 1985. 35 с.

8. Бромлей Г.Ф. Медведи юга Дальнего Востока СССР. М.-Л., 1965. 119 с.

9. Гафаров Ю.М. Особо охраняемые природные территории Амурской области: справочник. Благовещенск, 2013. 83 с.
10. Голубь А.М., Даренский А.А., Соловей А.А., Патюков А.А. Численность охотничьих животных Хабаровского края в 1999 г. Хабаровск, 1999. 190 с.
11. Даренский А.А., Голубь А.М., Соловей А.А., Дунишенко Ю.М. Сводный отчет о предпримысловой численности охотничьих ресурсов на 2010 г. по Хабаровскому краю. Хабаровск, 2010. 252 с.
12. Даренский А.А., Голубь А.М., Соловей А.А., Дунишенко Ю.М., Звягинцев Д.А. Численность охотничьих животных Хабаровского края в 2001 г. Хабаровск, 2001. 140 с.
13. Даренский А.А., Голубь А.М., Соловей А.А., Дунишенко Ю.М., Звягинцев Д.А. Численность охотничьих животных Хабаровского края в 2002 г. Хабаровск, 2002. 145 с.
14. Даренский А.А., Голубь А.М., Соловей А.А., Дунишенко Ю.М., Звягинцев Д.А. Численность охотничьих животных Хабаровского края в 2003 г. Хабаровск, 2003. 146 с.
15. Даренский А.А., Голубь А.М., Соловей А.А., Дунишенко Ю.М., Звягинцев Д.А. Численность охотничьих животных Хабаровского края в 2004 г. Хабаровск, 2004. 147 с.
16. Даренский А.А., Голубь А.М., Соловей А.А., Дунишенко Ю.М., Звягинцев Д.А. Численность охотничьих животных Хабаровского края в 2005 г. Хабаровск, 2005. 140 с.
17. Даренский А.А., Голубь А.М., Соловей А.А., Дунишенко Ю.М., Звягинцев Д.А. Численность охотничьих животных Хабаровского края в 2006 г. Хабаровск, 2006. 167 с.
18. Даренский А.А., Голубь А.М., Соловей А.А., Дунишенко Ю.М., Звягинцев Д.А. Численность охотничьих животных Хабаровского края в 2007 г. Хабаровск, 2007. 142 с.
19. Даренский А.А., Голубь А.М., Соловей А.А., Дунишенко Ю.М., Численность охотничьих животных Хабаровского края в 2000 г. Хабаровск, 2000. 185 с.
20. Даренский А.А., Дунишенко Ю.М., Голубь А.М., Соловей А.А., Куликов В.Н., Швец В.Г. Инвентаризация среды обитания амурского тигра в Хабаровском крае. Хабаровск, 2001.
21. Дарман Ю.А. Млекопитающие Хинганского заповедника. Владивосток: ДВО АН СССР, 1986. 164 с.
22. Дунишенко Ю.М. К вопросу охраны и использования белогрудого медведя // Редкие виды млекопитающих и их охрана: материалы 2-го Всесоюз. совещ. М.: Наука, 1977. С. 123.

23. Дунищенко Ю.М. Способы и время добычи медведей на Сихотэ-Алине // Влияние хозяйственной деятельности человека на популяции охотничьих животных и среду их обитания: материалы науч. конф. (14-16 мая 1980 г., Киров). Киров, 1980. С. 156–157.

24. Дунищенко Ю.М., Кривохижин А.И. Особенности размножения бурого медведя // Материалы IV Всесоюз. совещ. по сельскому хозяйству Крайнего Севера. Магадан, 1980. С. 78–80.

25. Дунищенко Ю.М. Ловцам охотничьей удачи: метод. руководство по учету диких животных и ведению охотничьего хозяйства. Хабаровск, 2000. 192 с., ил.

26. Дунищенко Ю.М. Гималайский медведь: старые проблемы в новом веке // Медведи России и прилегающих стран: состояние популяций, система человек – медведи, эксплуатация, охрана, воспроизводство: материалы VII Всерос. конф. специалистов, изучающих медведей. М., 2002. С. 28–32.

27. Дунищенко Ю.М., Ермолин А.Б., Даренский А.А., Долинин В.В., Соловей А.А., Голубь А.М., Жуков А.Ю. Охотничьи ресурсы Хабаровского края: монография. Хабаровск: РИОТИП, 2014. 324 с.

28. Дунищенко Ю.М. Нашествие // Охота и рыбалка. 2015. № 12. С. 46–53.

29. Дунищенко Ю.М. Даренский А.А. Долинин В.В. Жуков А.Ю. Методики инвентаризации популяции бурого и гималайского медведей // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: материалы V Междунар. науч.-производств. конф. (26–29 мая 2016 г.). Иркутск, 2016.

30. Дунищенко Ю.М. Книжка для мишки // Охота и охотничье хозяйство. 2016. № 8. С. 16–18.

31. Дунищенко Ю.М. Состояние популяции гималайского медведя (*ursus thibetanus* G.Cuvier, 1823) в России // Крупные хищники Голарктики: коллективная монография. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. С. 116–125.

32. Казаринов А.П. Численность и ареалы промысловых животных Хабаровского края (инвентаризационный очерк по состоянию на 1956 г.). Хабаровск, 1956. 131 с.

33. Ковалев А.П., Ефремов Д.Ф., Челышев В.А., Захаренков А.С., Грек В.С., Семенченко А.Ю, Крупенко Н.И., Барабанщиков Е.И., Матюшенко Л.Ю., Дунищенко Ю.М., Голубь А. М., Манько Ю.И., Бутовец Г.Н., Паничев А.М., Шмелев Г.С. Методическое руководство по ведению лесного хозяйства и лесопользованию в бассейне р. Самарга Приморского края. Хабаровск, 2003. 109 с.

34. Колчин С.А., Зайцев В.А., Олейников А.Ю., Салькина Г.П., Ткаченко К.Н. Современный статус и перспективы сохранения гималайского медведя (*ursus thibetanus* G. Cuvier, 1823) // Крупные хищники Голарктики: коллективная монография. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. С. 126–131.

35. Костоглод В.Е. Взаимоотношения амурского тигра с бурым и белогрудым медведями в Приморском крае // Редкие виды млекопитающих и их охрана: материалы 2-го Всесоюз. совещ. М.: Наука, 1977. С. 131.
36. Костыря А.В. Экология гималайского медведя восточного макросклона Центрального Сихотэ-Алиня: дис. канд. биол. наук. Владивосток, 2006. 138 с.
37. Кучеренко С.П. Звери у себя дома. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1973. 320 с.
38. Кучеренко С.П., Лилль А.А. Советско-Гаванский район и его охотничье хозяйство // Вопр. географии Дальнего Востока. Хабаровск: Дальневост. кн. изд-во, 1965. Вып. 7. С. 200–219.
39. Кучеренко С.П. Черный (белогрудый) медведь. М.: Лесн. пром-сть, 1974. 39 с.
40. Кучеренко С.П., Рычкова Н.Н. Охотничьи звери Хабаровского края: отчет. Хабаровск-Киров, 1977. 137 с.
41. Медведи Дальнего Востока России: краткий справочник для сотрудников таможенных органов / сост.: С.Н. Ляпустин, С.А. Реутская, П.В. Фоменко, А.В. Кушниренко; под общ. ред. В.И. Дьякова; Российская таможенная академия, Владивостокский филиал. Владивосток: ВФ РТА, 2005. 76 с.
42. Мониторинг охотничье-промысловых ресурсов Хабаровского края, прогноз их численности и возможной добычи в сезон 2000/01 гг.: отчет. Хабаровск, 2000. 82 с.
43. Оценка состояния популяции гималайского медведя в Приморском и Хабаровском краях (исп. Дунишенко Ю.М.): отчет. Хабаровск, 2005. 30 с.
44. Охотничьи животные России. Состояние ресурсов охотничьих животных в Российской Федерации: информационно-аналитические материалы. М.: Центрохотконтроль, 2000. Вып. 2.
45. Пажетнов В.С. Бурый медведь. М.: Агропромиздат, 1990. 215 с.
46. Пикунов Д.Г. Учеты численности медведей в горных лесах юга Дальнего Востока. В сб. Экология медведей. Новосибирск: Наука, 1987. С. 174–184.
47. Пикунов Д.Г., Средкин И.В. Проблемы сохранения крупных хищных и копытных млекопитающих на юго-западе Приморского края // Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд-во РГАУ МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009. С. 437–440.
48. Пикунов Д.Г., Средкин И.В. Современное состояние популяций белогрудых и бурых медведей на Дальнем Востоке России и проблемы их сохранения // Сб. докл. 11 Междунар. совещ. в рамках СИС. М.: Росохотрыболовсоюз, 2002. С. 92–97.
49. Проект организации республиканского заказника «Тумнинский» Главохота РСФСР. Западно-Сибирская проектно-изыскательская экспедиция. Новосибирск, 1987.

50. Середкин И.В., Пикунов Д.Г. Рекомендации по сохранению и управлению популяциями гималайского и бурого медведей на юге Дальнего Востока России // Медведи России и прилегающих стран: состояние популяций, система человек–медведи, эксплуатация, охрана, воспроизводство. Красногорск: Деловой Мир, 2006. С. 121–124.

51. Середкин И.В., Пикунов Д.Г. Ресурсы гималайского и бурого медведей в Приморском крае: проблемы сохранения и рационального использования // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию ВНИИОЗ (28–31 мая 2002 г.). Киров, 2002. С. 366–368.

52. Строганов С.У. Звери Сибири. Хищные. М.: 2-я тип изд. АН СССР, 1962. 458 с.

53. Сунь Баоган, Д. Микуэлл, Юй Сяочень, Энди Чжан, Сунь Хияй, ГуаньГошень, Д.Г. Пикунов, Ю.М. Дунищенко, И.Г. Николаев, Лу Дамин. Исследование популяций амурского тигра и дальневосточного леопарда в 1999 г. в восточной части провинции Хэйлунцзян, Китай, и рекомендации по их сохранению / Общество сохранения диких животных. Владивосток, 1999. 68 с.

54. Схема размещения, использования и охраны охотничьих угодий Амурской области, 2014. Хабаровск, Фонды ВНИИОЗ / отчет (рук.).

55. Схема размещения, использования и охраны охотничьих угодий Хабаровского края, 2013. Хабаровск, Фонды ВНИИОЗ / отчет (рук.).

56. Сысоев В.П. В северных джунглях // Охота и охотничье хозяйство. 1969. № 9. С. 36–38.

57. Сысоев В.П. Отчет о полевых наблюдениях над промысловыми животными в верхнем течении Правого Подхоренка в 1958 г. Хабаровск, 1958. 9 с.

58. Фролов А.Е. Охотничьи хозяйства Биробиджанского, Смидовичевского и Кур-Урмийского районов / отчет. Хабаровск, 1955. 20 с.

59. Юдин В.Г. Гималайский медведь // Медведи: бурый медведь, белый медведь, гималайский медведь. М.: Наука, 1993. 519 с.

60. Ян Ш., Цзян Ц., У Ч., Ли Т., Ян С., Хань С., Микуэлл Д.Г., Пикунов Д.Г., Дунищенко Ю.М., Николаев И.Г. Отчет о проведении российско-китайского учета численности дальневосточного леопарда и амурского тигра и оценка их местобитаний в восточной части провинции Цзилинь: заключительный отчет для Программы развития объединенных наций и Общества сохранения диких животных (на русском, английском и китайском языках). WCS, США, 1998. 46 с.

Приложение 1

Данные официального мониторинга численности гималайского медведя на территории Хабаровского края в 2017 г.

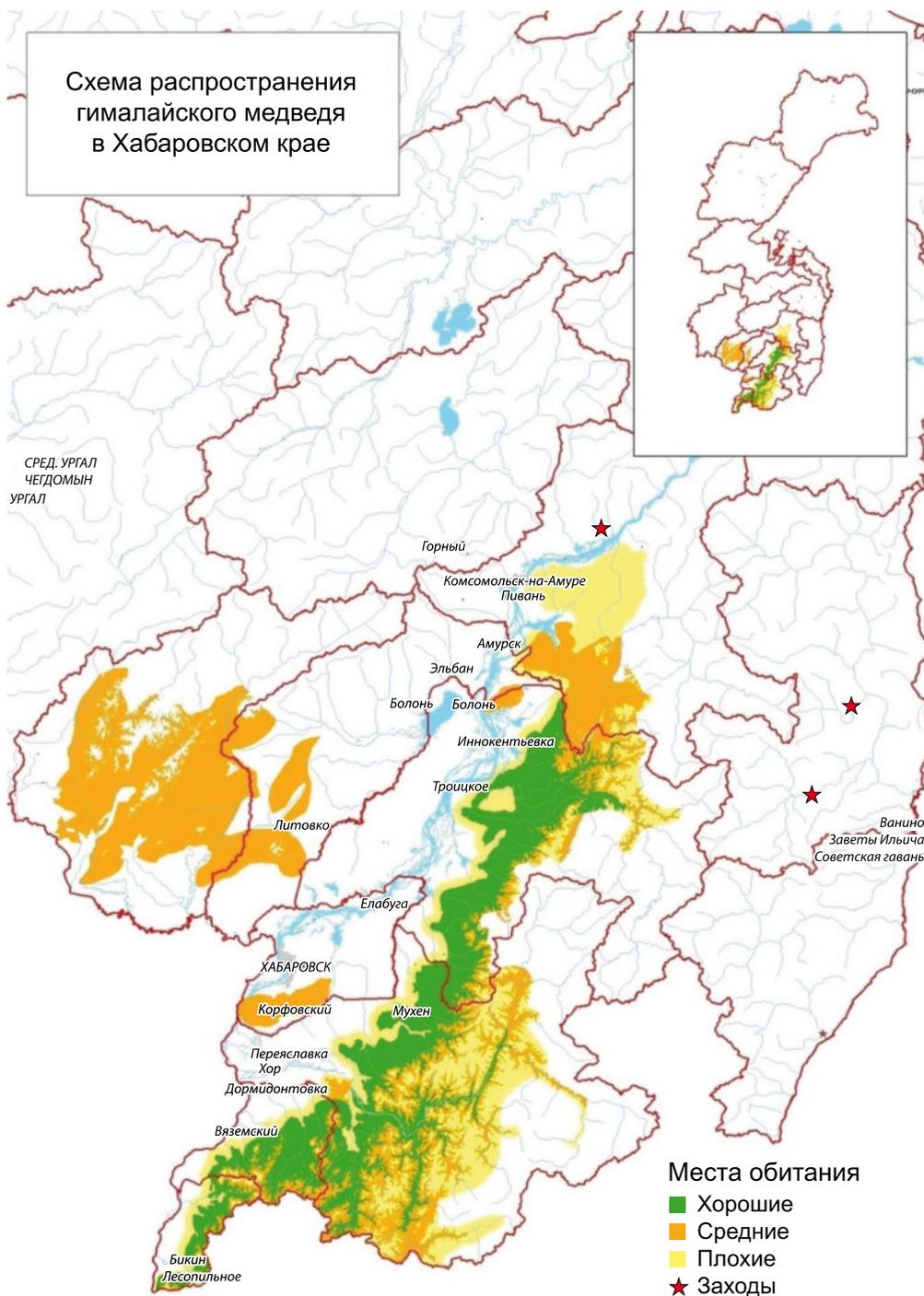
Муниципальные районы, охотпользователи	Численность, голов	Муниципальные районы, охотпользователи	Численность, голов
Комсомольский		им. Лазо	
ООО «Промысловик»	299	Хабаровское ГОО и Р	13
ООО «Курга»	Заходы	МОООО и Р «Кречет»	101
ОО Комсомольское РОО и Р	18	ОО РОО и Р им. Лазо	25
Итого по району	317	МУППХ «Лазовское»	140
Хабаровский		МОВОООСО ДВО	75
Хабаровское ГОО и Р	14	ООО «Хомино»	12
ГНУ ДВ ВНИИОЗ	Заходы	ООО ЛОХ «Дурминское»	33
МОВОООСО ДВО	38	ПДСК «Профиль»	22
Артель «Кур»	26	ООО «Лесные продукты»	200
ООО «Кур-Восток-Урми»	281	ХКПРС	45
ООО «Междуречье»	8	ТСО МН «Удэ»	189
ООО «ПКФ 17/7»	2	ХКОО КО и Р «Ударный»	59
ООО ОППКФ «Диана»	116	ООО ОКМН «Сукпай»	165
ХКОО «Онэкс»	5	Форпост	24
Заказник «Бобровый»	13	ОДУ	49
Итого по району	503	Заказник «Чукенский»	95
Нанайский		Заказник «Матайский»	92
МОООО и Р «Кречет»	47	Заказник «Бобровый»	15
Нанайское РАЙПО	614	Итого по району	1364
ООО «Амтур»	171	Вяземский	
ООО ОППП «Таежное»	42	ОО Вяземское РОО и Р	25
ООО «Уджаки»	4	ООО «Подхоренок»	19
Баин	2	ГПХ «Вяземский»	120
Заказник «Бобровый»	13	Итого по району	164
Итого по району	924	Бикинский	
		Бикинское РОО и Р	
		ГПХ «Вяземский»	50
		Заказник «Бирский»	25
		Итого по району	75
		Всего по краю	3347

Приложение 2

Принципы определения арены экстраполяции данных учета медведей (для обсуждения)

Термины и понятия	Принципы выделения
Граница ареала	Линия, соединяющая крайние точки известных мест зимовки гималайского медведя. Привязка: горизонтали заложения рельефа, выдела лесной растительности, зоны влияния производственной деятельности человека
Пульсирующая часть ареала (станции сезонного («летнего») пребывания)	Привязка границ сезонного распространения: горизонтали заложения рельефа, выдела свойственной виду лесной растительности на планах лесонасаждений, выдела массивов кормообразующих растений, привлекающих медведей
Площадь ареала	Вся площадь в контурах границ ареала, включая летние и круглогодичные станции
Площадь заселенных медведем угодий	Заключается в подсчете внутри ареала площадей свойственных виду угодий: кедрово-широколиственных лесов, кедрово-еловых и прочих типов лесов, имеющих в составе кедр; выдела дубняков, маньчжурского ореха, лещины, массивы ягодников, включая малину, лимонник, виноград, рябину, черемухи, шиповник, голубику и пр. При выявлении арены экстраполяции учетных данных, полученных в период выхода животных из берлог, учитывается только площадь облесенных угодий за минусом не свойственных виду
Места концентрации	Выдела кормообразующих растений в период урожая, нерестилища проходного лосося. Информация используется для экстраполяции данных площадного учета при учете зверей по местам концентраций

Приложение 3

Приложение 4

Фотографии

Рис. 1. Первые случаи поражения кожного покрова гималайского медведя в 2016 г.
Фото А.Е. Самарина

Рис. 2. Поражение кожного покрова перезимовавшего медведя в 2017 г.
Фото А.Е. Самарина

Рис. 3. Регистрация истощенного гималайского медведя после зимней спячки.
Фото А.Е. Самарина

Рис. 4. Маркировочное дерево. Возможная причина распространения кожных заболеваний.
Фото А.Е. Самарина

Рис. 5. Бурые медведи – упитанные и не подверглись заболеванию кожного покрова.
Фото А.Е. Самарина

Рис. 6. Под дубом при обильном урожае желудя.
Фото Ю.М. Дунищенко

Рис. 7. Кедрово-широколиственные леса. Элитные места обитания гималайского медведя.
Фото Ю.М. Дунишенко

Рис. 8. Пойменный ельник – летние станции гималайского медведя.
Фото Ю.М. Дунишенко

Рис. 9. Экспертиза конфискованных дериватов в ДВФ ВНИИОЗ.

Лапы бурого и гималайского медведей.

Фото Ю.М. Дунищенко

Рис. 10. Летом гималайского медведя можно встретить в любом типе леса.

Фото А.Е. Самарина

Юрий Мефодьевич Дунишенко

**Гималайский медведь в Приамурье:
оценка состояния популяции в 2010–2017 гг.**

Корректор – В. Старовойтова

Технический редактор – В. Филатова

Дизайн и верстка – В. Кузьмин

Фото на обложке – © А. Самарин

Издание является некоммерческим и распространяется бесплатно

Подписано в печать 20.08.2018 г. Формат 70x100/16. Бумага мелованная.

Гарнитура Georgia. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 3,84.

Тираж 100 экз. Заказ №...

«Апельсин»

690091, г. Владивосток, ул. Уборевича, д. 21, к. 312

Тел. (423) 226-77-19, эл. почта: mail@orangeme.ru

Ю.М. Дунишенко – охотовед и ученый с полувековым стажем, заслуженный работник охотничьего хозяйства России, автор более 220 научных и научно-популярных публикаций, в числе которых около десятка книг. За годы полевых работ ему довелось изъездить и исходить большую часть Сибири и Дальнего Востока. Основные темы исследований: крупные хищники и копытные, учет диких животных, вопросы развития охотничьего хозяйства.

Миссия WWF

Остановить деградацию естественной среды планеты для достижения гармонии человека и природы.

www.wwf.ru

Всемирный фонд дикой природы (WWF), Амурский филиал
690003, г. Владивосток, ул. Верхнепортовая, 18 а, тел.: (423) 241-48-68, amur.office@wwf.ru